

Павел Вособа

ИДЕАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ

БЫТЬ ПОСРЕДСТВЕННЫМ — ЭТО НЕНОРМАЛЬНО

16+

Павел Вособа
Идеальная жизнь

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Вособа П.

Идеальная жизнь / П. Вособа — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Окунитесь в острые диалоги и события необычной истории молодого Ричарда Дракина и опытного Джона Рока, которые приведут Вас в различные уголки света, к исключительным людям, чьи судьбы изменят Вашу жизнь и помогут Вам найти правильный путь к личностному успеху и счастью. В оформлении обложки использовано изображение, разработанное Алексеем Губаревым. Иллюстрации к книге: Петр Пожар

Самая большая потребность Homo consumens – как убить свободное время.

*Спасибо всем, кто позволил мне заглянуть в свои личные истории.
У остальных заранее прошу прощения.*

Предисловие автора

В нашем повседневном, строго материализованном мире мы узнаем лишь то, чего можем коснуться, что можем рассчитать. Мы верим фактам, отказываемся от судьбы, случайностей, интуиции, подавляем и скрываем свои чувства, будто это что-то слабovolное, «ненормальное». Мы измеряем успех – параметрами, критериями, показателями, риском. Отчаянно пытаемся смотреть на окружающую среду и себя с объективной точки зрения, чтобы слишком «не сбивали шаг», чтобы система нас не исключила – из-за того, что мы мало способны адаптироваться и являемся слишком творческими.

Одновременно с этим создаем для себя другой мир, где ищем отдых, радость, энтузиазм, опыт, желание жить дальше. Воображение, идеи спрятали в специальные «ящички», где только мы их можем видеть и переживать, – фильмы, книги, картины, музыку, игры. Там всласть смеемся, плачем, сочувствуем и восхищаемся.

Чем зауряднее наш день – шаблонней, безнадежней, – тем больше нам нужен виртуальный мир, полный историй, любви и приключений. Только таким образом мы поддерживаем наши «человеческие» желания в своего рода равновесии.

Потребительский мир постепенно разрушает все наши идеалы и духовные ценности. Семья, дети, отношения, друзья проживают трудные времена. Проходят месяцы, годы, и в один прекрасный день – рано или поздно – каждый из нас просыпается и спрашивает себя: ЗАЧЕМ?

Зачем я должен вести себя как другие?

Зачем разрываться между работой, семьей, удовольствием?

Зачем я отвергаю свои идеи, мысли, почему мне стыдно за свое мнение?

Зачем постоянно накапливаю, больше и больше потребляю и жалуюсь?

Признаюсь: эту книгу я написал в первую очередь для себя.

Без стыда я стираю различия между действительностью, фактами, мечтами, воображением и пытаюсь найти в себе желание думать самостоятельно, вести себя и жить по-своему. Я искал вдохновение и мужество у друзей, великих личностей, героев и был удивлен количеством людей, живущих в гармонии со своими ценностями.

Каково будущее народов Центральной Европы?

Что мы, люди Центральной Европы, во всяком случае, хорошо умеем – это поиск наших слабостей, ошибок, недостатков. Мы можем рассказывать о них в течение нескольких часов. Мы непосредственно восхищаемся описыванием собственных недостатков.

Но многие из них тайно рассматриваем как достоинства, некий «врожденный» инстинкт выживания, который позволяет нам пережить все войны и оккупации независимо от того, откуда они приходят – с Востока ли, с Севера, Запада или Юга.

Мы чувствуем себя обманутыми Западной Европой, которая в течение последних двадцати лет сделала из нашей страны «рынок сбыта» продуктов второй категории и продлила таким образом срок своего беззаботного процветания на целые два десятилетия. С горечью мы видим, как Европа по прошествии стольких лет по-прежнему считает нас «лишним бал-

ластом» – народами, которые потеряли свою культуру, ценности, где коррупция поднялась до самого высокого уровня, где демократия и слово потеряли всякий смысл, где несколько «сгруппированных банд» основали свой бизнес за счет государства.

Нам жаль, что мы теряем идентичность, индивидуальность, пытаемся приспособиться к мировой культуре мультинациональных брендов и стандартов.

Мы говорим, что не можем укрепить, восстановить, воспринять окружающую среду и свою страну как самую важную ценность. Слушаем выступления глупцов, дикторов, экспертов, политиков, воров, коррупционеров, бесконечно говорящих «бла-бла-бла», и лишь равнодушно отмахиваемся. Со стиснутыми зубами просто принимаем тот факт, что наша страна находится под контролем нескольких богатых людей, а остальные, привыкшие к социальному обеспечению, все больше и больше вспоминают коммунистическую «уравниловку».

Времена меняются. Центральная Европа больше не является центром стратегических и экономических интересов. Многонациональные компании уходят, и отечественные фирмы, таким образом, могут дышать, расти и преуспевать. Только теперь будет видно, способны ли мы позаботиться сами о себе.

Постепенно мы выбираемся из сна «двадцатилетнего роста» и видим, что все будет сложнее. Сегодня тридцатилетние уже не могут рассчитывать на беззаботное будущее и комфортный образ жизни в течение следующих двадцати лет. Наш рынок больше нельзя назвать раем, в который инвесторы охотно приносят деньги, как это было раньше. Подрастающему поколению надо будет тяжело работать, чтобы понять, что целью жизни не является только быстрое обогащение.

Чтобы заслужить право управлять собой, не зависеть от субсидий и благотворительных организаций, мы должны вспомнить и возобновить два основных правила.

Правило первое: уметь делать что-то полезное, что приносит нам радость и что другие будут с удовольствием ценить.

В течение последних двадцати лет большинство людей работали, не задумываясь о себе. В период роста было достаточно знать и уметь немного, при этом зарабатывая немалые средства.

Правило второе: жить экономно и быть свободным в мыслях и действиях.

Каждый человек, который находится в долгах, живет не по средствам, является легкой мишенью в политических играх и для своего экономического спасения ставит на кон все: ценности, друзей, честь и самое главное – самого себя.

Книга взывает к личному бунту – чтобы не стать послушным, глупым, неуверенным гражданином без своего собственного мнения. Есть люди, сохраняющие всю жизнь собственное мнение и ценности, несмотря на то, что оказались в трудных жизненных ситуациях. Про их истории как раз и рассказывает моя книга.

Книга – бунт против посредственности.

Общество управляется и организуется таким образом, чтобы из нас вырастали посредственные и несамостоятельные люди, но многие сопротивляются, и всегда есть способ противостоять этому.

Их истории могут быть вдохновляющими.

Книга – бунт против зависимости.

Всяческие пособия и субсидии воспитывают в нас корреляции сродни наркозависимости, которая нужна политическому сброду, чтобы нас контролировать. Есть люди, которые умеют избавиться от зависимости, – жизненные истории показывают, что их немало.

Независимость без социального обеспечения

*Только мудрый человек девять раз упадет, чтобы в десятый встать.
(Старая армянская пословица)*

Глава I

Успешные люди найдут вовремя своего мастера, и наоборот.

Конец февраля 2013 года.

Люди закутаны в пальто и шарфы, бродят в мокром снегу. На углу Бегоунской улицы и площади Св. Якоба появляется пожилой человек. На мгновение осматривает площадь и движется к угловому дому с большой надписью «Savoу», заходит внутрь. Он в центре большого зала с типичным интерьером в стиле функционализма, который даже сто лет спустя сохраняет характер знаменитых двадцатых годов. Человек поднимается по широкой раздвоенной лестнице на второй этаж и садится у окна.

Через несколько минут в зал входит молодой человек. Мельком оглядывается и тоже идет наверх. Там он видит одинокого человека, хорошо одетого, сохранившего моложавый вид, лишь глубокие морщины выдают его возраст – около шестидесяти лет. Не раздумывая ни секунды, молодой человек подходит к столу и представляется:

– Добрый день. Ричард Дракин. Вы, должно быть, господин...

– Джон Рок, очень приятно. – Мужчина встает и с достоинством подает руку. Ричард удивлен широте крестьянской руки с короткими пальцами, грубой ладони, резко контрастирующей с утонченными манерами и высоким ростом.

Они садятся за стол. Тишину и нерешительность первых минут наконец прерывает молодой человек:

– Спасибо, что пришли. До самого последнего момента я не верил. Люди через социальные сети обещают что угодно, но когда они должны встретиться...

– Почему вы выбрали меня?

– У меня есть работа, иногда и девушка, достаточно денег, чтобы купить то, что мне нужно. Тем не менее я внутренне неудовлетворен, обеспокоен, чувствую, что мне нужно что-то изменить. Затягивает ежедневная рутинная жизнь. Вы опытный человек, более пятнадцати лет занимали руководящий пост! Это заслуживает восхищения. В то время те, кто сегодня руководит вашей компанией, оговаривают вас. По их мнению, вы не сделали ничего важного, запустили много вещей, и теперь «они» все должны исправлять. Это правда?

– Ничего серьезного не делал? Клевета бесхарактерных преемников! – Пожилой человек неожиданно резко отрицательно качает головой.

– Однако сейчас вы ничем не занимаетесь, у вас есть деньги, и вам скучно. Фирму, которая в настоящее время катится вниз, передали на пике славы. Умно.

– Когда я был «флагманом» промышленности, все произносили мое имя с уважением, приглашали на выступления, праздничные вечеринки, известные люди хотели встретиться, владельцы предлагали сотрудничество. Я был польщен и пойман в ловушку непогрешимости. Сегодня мне стыдно за некоторые вещи, хватило нескольких месяцев, и «подхалимы» теперь с упоением пинают меня в задницу. Однако мы еще посмотрим. Краткосрочные победы коварны.

– Раньше люди ходили учиться к конкретным мастерам, которые передавали им свои знания. Не могли бы вы поделиться этим со мной?

– А знаете ли вы, как выглядит такая успешная карьера юнца, что он должен принести в жертву? – На лице пожилого человека появляется строгое выражение, он глубоко вздыхает и начинает свой рассказ.

Вы, как амбициозный молодой человек, устраиваетесь на работу в транснациональную компанию или правящую партию. В любом случае это уже предполагает ваш успех.

Неважно, что вы умеете или знаете и то, как вы стараетесь.

Прежде всего, вы ни в коем случае не смеете никого ставить под угрозу.

Вы всегда должны выглядеть активным и быть заняты делом. Приблизительно к тридцати годам вам предоставится возможность руководить небольшой группой или проектом. Набрасывайтесь на это с максимальной энергией, создавайте вокруг себя энтузиазм и радость. Вполне вероятно, что кто-то это заметит и в скором времени заберет вас в свою компанию. Все транснациональные корпорации строятся на прочной финансовой и контро-

лирующей системе, поэтому они и являются одним из лучших трамплинов для профессионального роста и карьеры – примите это за свою цель. Ни в коем случае не проталкивайтесь в торговлю – хотя здесь за короткое время вы и можете заработать много денег, но в долгосрочной перспективе это довольно рискованная, стрессовая должность, из которой чаще всего выталкивают. А жизнь-то длинная. Многие из моих соперников побежали по коротким дистанциям – они хотели выиграть и заработать деньги как можно скорее. Остерегайтесь быстрого роста – представьте, что вы пробежали марафон и только в конце опережаете всех, кто перегорел в начале.

В сорок лет вы можете стать членом более широкой группы руководства и занять должность, скажем, главы Управления риска или внутреннего аудита. Энтузиазм и желание изменить к лучшему компанию постепенно исчезает. С этого момента становится важным избегать серьезных ошибок и стеречь свое «политическое пространство».

В пятьдесят вас назначат генеральным директором в какую-нибудь из дочерних компаний. Я рекомендую Центральную и Восточную Европу, где люди, находящиеся на руководящих позициях, по-прежнему занимаются оперативной работой, мало развиваются, им не хватает перспективы и они не будут вам конкурентами. Своей стратегической точкой зрения вы будете их всегда превосходить. Вы должны уважать свое положение, вы получили его заслуженно, благодаря верности и годам работы. Думайте о нем как о престиже, не делайте серьезных изменений, дабы не совершить ошибку и не быть вынужденным покинуть свою должность раньше запланированного времени. Ни один руководитель не может позволить себе уволить вас за бездействие, поскольку это на самом деле трудно доказать.

– Это вы советуете мне, или сами действительно были таким? – молодой человек прервал рассказ.

– А как вы думаете? – господин Рок, рассказывая о своем прошлом, на глазах помолодел. Слегка выпрямился, его депрессию и усталость как рукой сняло.

Соблюдайте три принципа.

Во-первых: определите обобщенный стратегический план, последовательно ведите массовую пропаганду как внутри компании, так и в обществе, распространяйтесь об успехах компании и энтузиазме сотрудников. Создайте впечатление, что только благодаря вашему руководству компания попала в центр внимания.

Во-вторых: укрепляйте инспекционную и бюрократическую систему, предоставьте еще больше власти в руки финансистов и чиновников. Отличным средством являются также аудиты, которые постоянно обращают внимание на прошлое. Это гарантирует, что высшее руководство занимается деталями, не думая о том, являетесь ли вы хорошим или плохим генеральным директором.

В-третьих: постоянно загружайте сотрудников работой, независимо от того, имеет или не имеет она смысл. Это гарантирует, что все находятся в рабочем напряжении, проявляют самостоятельность и ответственность. Но этого, однако, недостаточно. Для того чтобы получить и сохранить позицию генерального директора, необходимо развивать три важных качества, и, скажу вам, в этом я был чемпионом!

Актерская память – вам придется держать в голове много данных и большое количество информации, чтобы быть готовым реагировать в любой момент.

Ангельское терпение – слушать и делать вид, что вас интересует буквально все, даже если это величайшая глупость. Научитесь при этом расслабляться и думать, к примеру, о красивых женщинах и хорошей еде.

Личный имидж – разговаривайте решительно, одухотворенно, пусть ни о чем, где и когда угодно, а затем действуйте с чувством собственного достоинства, не бойтесь молчать даже в тех ситуациях, когда от вас ожидается решение.

А самое главное – то, что вам не понадобится, – это менеджерские навыки, ведь в крупных международных компаниях – система, структура, порядок. Вести людей — это значит быть неприятным и последовательным. Люди начнут клеветать – и целая карьера обречена. Со всеми индивидуальными целями и оценками вы должны справиться, к удовлетворению работников. Когда что-то не так – увольте коммерческого директора. Большого вам не требуется.

Джон Рок чуть иронично ухмыляется, ерошит густые седые волосы и чешет затылок.

– До тех пор пока вы «в курсе», все идет как по маслу. Чувствуете, что весь мир лежит у ваших ног. Убедите кого угодно добиться чего угодно. Но в один прекрасный день от вас отделаются. Такой момент настанет, стервятники ждут. Я умею возвращаться в этом и держаться как можно дольше. Вас это интересует?

– Это в вас говорит горечь! Вы как Мефистофель, который предлагает мне заплатить своей душой за то, что меня абсолютно не привлекает! Не буду притворяться, я хочу быть успешным, но не ценой потери своих достоинства и чести. Именно туда меня сегодня все толкают! Я чувствую себя как овца, которую заставляют пробежать по коридору, иногда погладят, хорошо накормят, выпускают из загона, но в конце коридора всегда будет стоять мясник, и я буду овцой на заклание!

– Идите ж вы с вашими ценностями! Вы их потеряете при первой же возможности «восхождения». Никто не может устоять. Вы не сможете быть честным и одновременно успешным.

Молодой человек в первый момент нахмурился от неудовольствия, но спустя мгновение его умное лицо еще больше растянулось в улыбке.

– Я, возможно, кажусь наивным, но вы, по-видимому, тоже не справились. В конце концов, они же вас уволили!

– Хорошая защита! – похвалил Джон Рок. – Где-то в возрасте пятидесяти лет у нас затупляется «зоркий взгляд», пропадают умение видеть перспективу и способность контроля, наша цена начинает падать. Это кризис, который мы не желаем видеть. Лишь двадцать процентов из нас в данном положении имеют возможность дожить полной жизнью до пенсии, остальные перебиваются как могут и ожидают ухода на пенсию как спасения. Компании отдают предпочтение молодым, неопытным, понятливым работникам, нежели старым, раздражительным, непродуктивным. При этом у них еще минимум двадцать лет плодотворной жизни! Это время, когда нам необходимо научиться, как на самом деле управлять бизнесом, обдумать и подготовить запасной путь для новой собственной карьеры. Те, кому это удастся, наконец наслаждаются работой и независимостью. Им не нужны большие деньги или обеспеченность, они довольствуются немногим, важным является результат, что они наконец-то нашли то, что их интересует, чему они могут радоваться каждый день.

– Почему большинство людей приходит к этому результату так поздно? – Ричард задает вопрос, махнув рукой, и сам себе отвечает: – Они боятся, не верят в себя, боятся одиночества, ибо это сам я испытываю каждый день. – Он встает и надевает пальто. – Спасибо за вашу вежливость и хороший совет.

– Подождите, у меня есть для вас другое предложение, – тихо говорит господин Рок. – я помогу вам стать свободным и независимым. Путь будет тяжело, но интересно.

Молодой человек опять садится в кресло:

– Этот ваш рассказ о себе, о правилах, поведении – шутка, не правда ли?

– Только чуток приукрашено. Тем не менее это изменило бы что-нибудь для вас, если бы не было в шутку? Я упал бы в ваших глазах?

– Нет, я бы просто воспринял это более серьезно.

– Ничего из того, что мы переживем вместе, не принимайте слишком серьезно, и в первую очередь – меня самого.

– Как я тогда могу верить тому, что вы мне рассказываете?

– Вам необязательно мне верить, но все, что мы проживем вместе, будет иметь свое значение.

– Почему вы боитесь сказать: «Делайте это так и так?» Этим я сэкономил бы себе много времени на подготовку. Жизнь не такая уж и долгая, чтобы... – Он замечает, как Джон несогласно машет рукой, и не заканчивает фразу.

– Наша общая задача заключается в том, чтобы сделать вас независимым, это путь к жизненному успеху. Давайте посмотрим, насколько глубоко вы завязли в современном комфортном обществе. Добровольно и самостоятельно думать и чувствовать большинство людей не может или даже не хочет. Это ведет к тому, что в свои пятьдесят они превращаются в изношенного робота, которого следует заменить.

– Я чувствую себя независимым! А что конкретно вы имеете в виду? – возражает с обидой молодой человек.

– Все! Всю свою жизнь мы думаем о том, что годится, что у других вызовет признание, что является «in», во что мы одеваемся, в конце концов. Попробуйте вспомнить, когда вы на самом деле делали что-то сами по себе, не думая о том, что скажут другие, когда вы действовали спонтанно и расслабленно. Посмотрите на себя! Достаточно мне немного поиздеваться над вами, как ваша самоуверенность сворачивается в улитку. Идите домой и продолжайте свое «стерильное» выживание.

Рок замолкает, а у Ричарда появляется на лице сердитое выражение. *Как метко он попал в его больное место! Сколько раз он действительно смеялся, плакал, влюблялся, освободившись от чувства «высшей непреодолимой силы», которая внимательно следит за ним, взвешивает его поведение, добавляет или вычитает очки. Следует признаться? Обнажиться и стыдиться своей действительности?*

Джон успокаивается, напряжение спадает, он вытягивает длинные ноги и более расслабленным тоном продолжает:

– Быть независимым – это получать удовольствие от собственного мнения, действия, иметь голову, полную идей, а я это чертовски долго в себе подавлял. Сегодняшняя жизнь бежит в сумасшедшем темпе – вокруг нас все мелькает, время летит, и все идет гладко до того момента, пока что-то не случается. Возврат к независимости представляет собой медленный, терпеливый путь – идете пешком, с горы на гору, по лесам, полям, и чем дольше путь, тем больше независимости набираете по дороге, становитесь более уверенным в себе – в своих мыслях, воззрениях, ценностях. Каждое дополнительное препятствие укрепляет вас, каждое поражение делает вас сильнее, уважение растет. Вы верите в себя, вы просто должны идти дальше.

– Вы говорите – «возврат к независимости». Разве это то, что мы теряем? – Слова Джона дали Ричарду надежду и настолько его заинтересовали, что он совсем забыл про первоначальное чувство обиды.

– В детстве мы ко всему окружающему относимся с открытой искренностью, мы любопытны, честны. Каждая игрушка, книга, картинка очень важны для ребенка. Приходят взрослые, читают нотации, обезличивают, школа преподносит подготовленное мнение, формируемое обществом. Вещи перестают быть личными. – Джон машет рукой, словно не имеет смысла дальше говорить об этом.

«Возможно, пришло время расстаться, я был слишком категоричным, возможно, ему еще понадобится несколько лет...» – Джон оглядывает кафе и смотрит Ричарду в глаза. Они полны заинтересованности. – *Я не имею права сдаваться»,* – думает он, а вслух говорит: – Я вас проведу через весь мир, познакомлю с разными людьми, втяну в такую ситуацию, в которой бы вы сами никогда не оказались, покажу вам места, которые передают какое-то сообщение. Стану так называемым гидом – и от вас будет зависеть, что вы возьмете.

– Это звучит заманчиво! Что это мне будет стоить?

– Сто дней времени, издержки на проживание и путешествие. Через две недели снова встретимся здесь, а я между тем все приготовлю.

– Больше ничего? А ваш гонорар?

– Нет, – господин Рок добавляет в раздумье, – ничего в финансовом или материальном смысле, как вы привыкли. – Он вынимает свой бумажник и жестом призывает официанта. На столе что-то звякает. Ричард быстро реагирует и подхватывает небольшой камушек. С любопытством его осматривает. Пористая мелкая галька – как он держится и не рассыпается?

– У вас что-то выпало из кармана, – протягивает руку и подает камушек господину Року.

– Спасибо, – говорит возбужденным голосом Джон, берет камень дрожащими пальцами и аккуратно заворачивает его в ткань. – Только что вы мне заплатили. Он для меня чрезвычайно важен, его значение невозможно измерить деньгами. Странно, что он выпал. Верите ли вы в приметы?

Глава II

Кто хочет царствовать, тому нужны посредственные личности.

Ричард уже более получаса сидит в Savoy и с нетерпением ожидает Джона. Наконец он не выдерживает, встает из-за стола, подходит к лестнице и опирается на перила, смотрит на входную дверь. Он осматривает зал и сверху наблюдает за утренним шумом в кафе. Его взгляд привлекают две высокие лампы, стоящие по обеим сторонам лестницы. Желтые подсвеченные цилиндры, разделенные двумя черными обручами и заканчивающиеся «поднятым воротником», придают лестнице величественный вид. Внезапно «воротник» сплющивается, высовываются щупальца, средний цилиндр раздувается вперед, нижний растягивается и превращается в своего рода попку. Обе лампы, а с ними и все сидящие в кафе мгновенно превращаются в огромных ос. Осиные семьи сидят за столом, потягивают нектар и едят сладости. У Ричарда пробегают мурашки по спине, он нервно улыбается: подобные вещи случаются с ним еще с детства. Его фантазии, однако, редко ведут себя вежливо и приятно.

Большая оса справа поворачивается через лестницу к соседке, отставляет среднюю ножку в сторону и говорит скрипящим голосом:

– Хорошее осиное государство нуждается в способных и успешных работниках, которые заботятся о себе, занимаются бизнесом и самовоспитанием, становятся хорошими мастерами и специалистами.

Оса слева ухмыляется, подмигивает Ричарду и спрашивает:

– А для чего нам это нужно, сестричка?

Оса справа тянет свой длинный хоботок к ближайшему посетителю и незаметно отпивает из стакана немного сладкого лимонада.

– Способным и независимым осам не составит никакого труда найти себе работу, они умеют экономить пищу, они не влезают в долги, вкладывают свои сбережения, они не живут не по средствам, регулярно платят налоги, не берут взятки, им не нужно воровать у государства. Должна ли я продолжать?

Оса слева пронзительно смеется и огрызается:

– Это ерунда! Такие осы государству не нужны! Они быстро вылетят из улья и перестанут о нас заботиться. Нам нужны глупые осы, которые работают всю жизнь, с нетер-

пением ждут выхода на пенсию и считают, что государство позаботится о них в случае болезни, одиночества, старости. Как ты можешь быть так наивна? – Она кладет свою узкую голову на лохматые верхние лапки и делает вид, что обдумывает, как лучше это объяснить своей «сестре». – Смотри, как хорошо это сделали в Европе! Богачи покупают себе послушных государственных чиновников, полицию, чтобы держать народ в повиновении и невежестве. Политическая пропаганда страха влияет на их подсознание, принуждая покорно платить налоги, залезать в долги, соблюдать правила, избирать «демократическим путем». Страх сопровождает людей на каждом шагу, они безрассудно покупают якобы социальное благополучие и соглашаются с необходимостью все более строгого контроля и власти.

– Но я, сестра, все равно считаю, что наш народ хочет жить при демократии! Я встречаюсь с образованными сестрами, и они говорят... – возражает обиженно оса справа, но вторая ее прерывает.

– Болтовня! Они хотят современную диктатуру, которая будет только выглядеть демократически! Мы сохраняем основные принципы демократии, только их немного «изгибаем», – хихикает оса так пронзительно, что у Ричарда начинают болеть уши.

– Что значит «изгибаем»?

– Сестра, тебе надо еще многому учиться, хорошо, что я рядом с тобой. Демократия строится на трех принципах.

Первый принцип заключается в том, что политическая власть принадлежит народу, который избирает своих представителей.

Достаточно будет контролировать лидеров ведущих партий. Формально они будут чередоваться, а на самом деле это все равно одна и та же компания. Тем не менее мы должны еще обеспечить лояльность на более низком уровне – заместителей директоров, департаментов, профсоюзов, которые сидят в своих креслах всю жизнь и управляют страной. Когда мы позволим им создавать в областях и городах «сестринские» группы, тогда никакая политическая смена не сможет на них повлиять.

Второй принцип обеспечивает защиту политических меньшинств и отдельных лиц – во имя быстроты и безопасности мы имеем право собирать информацию о каждом. Я была удивлена, насколько легко это делается. Наши сестры совсем не сопротивляются, когда мы за ними наблюдаем через камеры, подслушиваем их телефоны, просматриваем их счета, имущество и положение. Неприкосновенности частной жизни сегодня не существует, и это именно то, что нам нужно.

Третий принцип заключается в распределении полномочий между законодательной, исполнительной и судебной властью. Нам удалось связать эти элементы, и, где это требуется, в состоянии укреплять или ослаблять их полномочия по необходимости. Ни у одного судьи, адвоката, полицейского, который может пойти против нас, не должно быть уверенности в полной независимости, у нее есть свои границы.

– Что делать, если они прозреют? Что с нами будет? Мои друзья говорят, что мы перегнули палку, и в один прекрасный день народ нас свергнет!

– Дорогая сестра, – нравоучительным тоном обращается оса слева к своей подружке. – Нашим самым могучим инструментом власти является социальная политика. Она предлагает фальшивую социальную солидарность и равенство, которые уже давно разрушают общество, ослабляют семью, рабочий стимул, гасят желание экономить и вводить новшества, вызывают отвращение у способных лиц что-либо доказывать или создавать, позволяют ленивым и хитрым жить относительно хорошо. Фальшивое социальное равенство и солидарность в долгосрочной перспективе неизбежно направляют и ведут к авторитарному

режиму, позволяют посредственным и послушным удерживаться на высоких постах, для которых у них, однако, отсутствуют предпосылки. И это есть именно то, что нам нужно.

– Добрый день, дорогие дамы! Надеюсь, что вы своей дискуссией не отпугнули симпатичного гостя. – На лестнице появился Джон Рок. – Извините, Ричард, за небольшое опоздание. Чтобы вы не скушали, я попросил своих подружек дать вам беспристрастное представление о «современном» центральноевропейском государстве. Я надеюсь, что они вас не разочаровали. Иногда они мне кажутся слишком увлеченными.

– Увлеченные? Оса слева – это настоящий диктатор.

Левая оса заламывает средние лапки и вытягивает свою острую мордочку вплотную к лицу Ричарда.

– Вы когда-нибудь видели королеву, которая правит демократически? – и сама себе отвечает: – Не видели! Потому что ее сразу бы свергли! Королева должна быть строгой, не позволять своим подданным слишком богатеть. Ей нужно, чтобы большинство из них были относительно бедными. Только бедные оценят «социальную защищенность» и останутся послушными и лояльными.

Правая оса вытирает хоботок о ковер, поворачивает свое отвратительное волосатое «лицо», направляет огромные глаза, полные крошечных зеркал, на Ричарда и хихикает:

– О, да! Глупые осы и не подозревают, что осенью они все сдохнут.

Вдруг осы исчезают так же быстро, как и появились, на их месте уже опять стоят высокие желтые лампы. По лестнице поднимается господин Рок.

– Вы видели этих ос? – растерянно спрашивает Ричард.

– Нет, не видел, – отвечает Джон и смотрит, словно не понимая, о чем идет речь.

Молча садятся за стол. Проходит несколько минут, в течение которых Ричард в мыслях проигрывает только что увиденное.

– Джон, государство действительно такое хитрое, что оно своими налогами, законами, постановлениями держит нас в постоянной послушности и бедности? Я не думаю, что оно влияет на мое поведение и решения!

Джон качает головой и глубоким голосом, который еще больше усиливает значение его слов, произносит:

– Вы являетесь прямым доказательством хорошо отработанной государственной пропаганды. Самой большой ошибкой является то, что мы думаем о государстве как о безличном, далеком мире, в котором нужно поддерживать равновесие между правым и левым крылом и периодически, раз в четыре года, ходить голосовать. Ведь диктатура свергнута, демократия сама найдет путь, чтобы пробиться.

На самом деле государство – не что иное, как наднациональная компания, акционерами которой являемся мы – граждане. Премьер-министр является фактически избранным директором, который своим акционерам – гражданам – представляет привлекательную, стратегическую бизнес-концепцию – избирательную программу. На ее основе он получает свою функцию и доверие. Но рядовой акционер может когда-либо продать свои акции, а действительный владелец может уволить руководство этой компании. Однако **мы вложили в руки некомпетентным, незрелым людям власть и деньги, но не на основании их усилий и способностей, а благодаря коррупции, взяточничеству, знакомствам и социальной политике.**

В бизнесе мы бы сказали, что они «захватили» рынок, получили конкурентное преимущество и для нас потом будет сложно избавиться от них.

– Остальные европейские государства находятся в такой же ситуации? Как, например, это выглядит в Голландии? – спрашивает Ричард.

Джон морщит лицо и прищуривает глаза.

– Голландия – именно такое государство, которое справляется со своей пропагандой. «Слегка» иерархическое общество, которое предоставляет минимальную свободу, а взамен предлагает своим «овечкам» высокий жизненный стандарт. Нет, Голландия – это зашнурованная по горло демократия. Это я говорю на основании собственного опыта. А что Швейцария – богатое, самоуверенное государство, которое до сих пор отказывается признаться в коллаборационизме с нацистами и присвоении еврейских денег? С точки зрения безопасности, они ушли дальше всех – каждый гражданин, который за любую вашу глупость выдаст вас, получит вознаграждение. Да нет, Ричард, Европа пронизана социальными гарантиями и контролем.

– Почему это творится? В конце концов, коммунизм уже пал и каждый может делать то, что хочет!

– Сущность проблемы лежит намного глубже. Известно, что, когда обезьянья группа отвергала одного своего члена, он погибал. Человеку нельзя быть в изоляции, страх одиночества по-прежнему жив в нас. Люди приспосабливаются к конформизму, чтобы не быть исключенными. На самом деле большинство из них даже не осознает этого. Им кажется, что они сами выбрали правильную партию, школу, машину, свитер, футбольную команду.

– Смогу ли я с этим что-нибудь сделать? Имеет ли смысл сопротивляться, если вы говорите, что везде одно и то же?

– Да, вы сможете – достаточно не поддаваться пропаганде – никакой! Не навязывать себе чужое мнение – ни от соседа, ни по телевизору. Надо думать, и лучше всего в уединении. Примерно пять процентов популяции руководствуется собственным мнением, несмотря на последствия. Двадцать процентов населения способно иметь собственное суждение и до какой-то степени самостоятельно принимать решения. Шестидесят процентов людей принимает предложенные им «правды», одобряет их и ведет себя соответственно. От вас зависит, к какой группе вы хотите относиться.

– Как возможно, что такое количество людей позволяет манипулировать собой подобным образом?

– Прошло всего 3350 лет с момента, как Моисей вывел еврейских рабов из Израиля, и 200 лет, как Австро-Венгрия отменила крепостное право. Многие предпочитают рабство ответственности за себя и свою жизнь.

– А если создать новую политическую партию, которая станет независимой, некоррупционной, объединит личности и постепенно пробьется? – Ричард не сдаётся, ему не нравятся рассуждения Джона.

– Да, это вы можете.

– Почему вы смеетесь? Вы думаете, что я это не смогу сделать?

– Ричард, у вас королевское имя, я не сомневаюсь, что вы сможете все что угодно. Однако если в вашем распоряжении не будет чего-то сильного, что выдержит испытание временем, ваш успех будет кратковременным. Каждое следующее поколение что-нибудь да изменяет, некоторые идут с добрыми намерениями в политику, чтобы на нее повлиять, как они говорят, «изнутри». К сожалению, в тридцатилетнем возрасте редко кому удастся твердо отстаивать свои ценности и идеи. Думаю, для общества вы будете более полезны как индивидуум. Дни партийной демократии уже сочтены.

– Как отдельная личность, я ничего не смогу.

Джон неодобрительно качает головой:

– Как раз наоборот! Только личности приносят большие перемены. Они генерируют вокруг себя «круги», которые при определенных обстоятельствах усиливаются, поддерживают возникновение групп, движений с общей целью. «Круги» в один прекрасный день соберут столько сил, что разгромят старое, и мир на время очистится. Поэтому их так и боятся власть имущие у своих кормушек.

Стать индивидуальностью сможет только тот, кто владеет сильными аргументами, которые он продуцирует с помощью своего личного подхода, опыта, знаний и ценностей.

– Может быть, я тоже принадлежу к группе «60», – заметил Ричард.

– Это мы скоро узнаем, но теперь вы запомните одно: **для сохранения собственной независимости вам нельзя заигрывать с социальным государством ни сегодня, ни в будущем – никогда.**

Как раз этого государство и ждет – как только вы протянете руку и воспользуетесь его выгодами, в тот самый момент вы пойманы. Никогда не будете чувствовать себя свободным, не сможете откровенно выражаться – всегда найдется кто-нибудь, кто вспомнит о вашем злоупотреблении. Ко всему, что государство нам предлагает как бы бесплатно, надо относиться осторожно. Школы, больницы, дотации, субсидии – все это вызывает зависимость, мы воспринимаем это как самой собой разумеющееся и одновременно с этим не возмущаемся низким качеством оказываемых услуг.

Народ стремится к обеспеченности, в свои пятьдесят люди с нетерпением ждут выхода на пенсию, радуются, что будут брать деньги в виде пенсии у государства и у них появится свободное время для своих хобби. Какая ерунда! Разве это нормально – с нетерпением ждать старости? Большинство людей, которые выходят на пенсию и перестают работать, проживают в среднем около семи лет.

– Как же так? – Ричард недоверчиво качает головой.

– Наш организм воспринимает это как конец – миссия уже выполнена. И зачем тогда надо держать себя в движении? К сожалению, осы в этом правы.

– Но почему я должен быть настолько глуп и не воспользоваться тем, что сделано другими людьми?

– Пользоваться – да, но не злоупотреблять. У вас есть право в критических ситуациях обратиться к государству и ожидать помощи. Если вы не преодолеете первую степень свободы, у вас не будет шансов освободиться – будете ждать, когда о вас позаботится государство, национальная компания, учреждение, которое вас беззастенчиво выбросит в момент, когда вы этого совсем не ожидаете.

– Значит, если я хочу быть свободным, мне нельзя заниматься карьерой и довериться социальному предложению? – Ричард пытается озвучить две основные идеи, запечатленные в памяти.

– Это первые две степени свободы. Когда мы встретимся завтра, мы добавим еще третью – самую трудную. – Джон вынимает деньги, кладет их на стол и встает.

– Вы уходите? – восклицает удивленно Ричард.

– Да, я думаю, что вы от ваших «ос» получили достаточный урок. До свиданья, завтра в Au Café в Братиславе. Вы когда-нибудь были там?

– Братислава. Гм, не в Словакии ли это?

Глава III

Страх – это острый инструмент, с которым мы учимся работать.

Ричард спешит через покрытый снегом английский парк. Десять часов утра, везде пусто, ни одного прохожего. Обычно одиночество ему нравится, но в этот раз он бы с удовольствием встретил кого-нибудь. Уже более десяти минут ищет он кафе Au Café.

Говорят, что оно одно из самых старейших в Братиславе! Находится на правом берегу Дуная, его невозможно не заметить – по крайней мере, по словам пенсионерки, которая

послала Ричарда через этот парк. Хорошо, но что значит «через»? Когда он показал рукой, чтобы уточнить направление, она только и сказала: «Может быть».

Он счищает снег со скамейки, садится, смотрит на большие дубы и каштаны. Кажется, совсем недавно бегал он под их сенью ребенком, защищающим всех, кто слабее, ребенок с чересчур чувствительной душой. Он научился драться, проигрывать и побеждать. Ричард погружается в воспоминания.

Рядом со скамейкой что-то зашевелилось. Он взглянул – какая-то куча, кто-то закашлял, разлетелось немного снега, листьев и старого тряпья. Мужчина неопределенного возраста и внешности встает и отряхивается. Он выглядит довольно нездорово. Вдруг он выпрямляется и надевает на себя ветхий докторский халат.

Откуда же я его знаю? И вдруг вспоминает: ему шесть лет, и он ходит в первый класс. Однажды учительница говорит им:

– Завтра всем классом едем на профилактический осмотр к зубному врачу. В 7 утра встречаемся на остановке автобуса номер 113.

Он не понимал точно, что такое «профилактический осмотр», но у зубного врача бывал когда-то с папой. И тогда отец и медсестра держали его за руки. Пока стоматолог осматривала его зубы, он еще держался, но когда она коснулась зубов старой шумной бормашиной, произошло замыкание – точнее говоря, зубы сомкнулись. Бормашина застонала, передний зуб сломался. Врач схватилась за кровоточащие пальцы, торопливо двигаясь по кабинету, разговаривала сама с собой на чужом языке:

– это ж больно, ой, как же, сука, больно.

Папа тогда это воспринял как большой позор. Мама выглядела возмущенной, но, укладывая сына спать, проговорила:

– Никогда – никому – ничего подобного не позволяй, ты правильно сделал, – поцеловала его, и в тот момент она совсем не могла и вообразить, какие последствия будут иметь в дальнейшем ее слова.

И вот наступил день профилактического осмотра всего класса у зубного врача. Утром он бежал через похожий парк, чтобы не опоздать. Дети сели в автобус номер 113, с криками протиснулись на заднюю площадку, и Ричард, как самый опытный, наглядно показывал, как они должны себя вести с человеком, который себя называет Зубным Врачом.

Учительница посадила их в приемную, и никто в тот момент не подозревал, что произойдет. Приемная была уютной, воняла потом, две девочки ни с того ни с сего расплакались, а мальчишки начали драться.

Вскоре вышла медсестра, отвела первую девочку в кабинет. Две минуты спустя раздался шум, и одноклассница выбежала. Врач воспринял первый укус как всего лишь нестандартную ситуацию. Но потом его укусил и убежал второй, третий и четвертый ребенок. Учительница угрожала, кричала, уговаривала, но дети еще больше замыкались в себе. Сегодня это, вероятно, назвали бы «коллективным сопротивлением». Он шел пятым, готовый не только повторить свой опыт, но и усовершенствовать. Он так боялся, что медсестра не смогла заставить его даже сесть в кресло. Но стоматолог был не только опытным, но и мудрым.

– я не буду осматривать твои зубки, а, пожалуйста, посмотрю зубы учительницы. Пожалуйста, садитесь, – кивнул ей доктор.

С большим удивлением, он наблюдал, как их учительница беззаботно усаживается в кресло и открывает рот. Врач притянул его к себе и сказал:

– Посмотрим вместе... Видишь? Здесь и здесь нет зубов, вот серебряная пломба, а эти черные пятна – это зубной кариес. Госпожа учительница, ваши зубы в ужасном состоянии! – И слегка тыкает в один коренной зуб, а учительница как завизжит:

– Прекратите! Это же больно! Я уже более недели принимаю таблетки!

– *Зуб следует удалить, и немедленно!* – решительно заявляет стоматолог. – *Сестра, инъекцию!*

Все происходит быстро, пациентка не успевает воспротивиться. Через десять минут зуб удален. Врач берет испорченный зуб, подносит к лицу Ричарда и медленно поворачивает его.

– *Смотри, что и у тебя может случиться.*

Запах гнилого зуба и чеснока неожиданно пробуждает в нем жажду приключений. Он представляет себе, как спасает самую красивую девчонку из класса из помойки, куда она случайно провалилась.

– *Если ты мне не позволишь исправить твои зубы, ты закончишь, как госпожа учительница, – лишишься зубов и... – прежде чем доктор успевает закончить, медсестра прерывает его:*

– *Ты умрешь от голода и боли!*

Он вытаращил глаза и возвращается из своей фантазии «спасательная операция одноклассницы» обратно в кабинет. Представление, что умрет от боли, напугало его, шестилетнего ребенка, и поставило перед трудным решением: он соглашается на профилактический осмотр – и будет жить, либо умрет от боли и голода – если откажется. Медленно открыл рот. Врач улыбнулся, погладил изогнутой иглой, нежно коснулся его зубов и спросил:

– *Болят – не болят?*

Он вместо ожидаемой боли почувствовал щекотание и рассмеялся. Три кариеса, которые врач нашел на его зубах и которые он рассверлил и последовательно запломбировал, почти не причинили Ричарду боли.

– *Теперь иди и скажи всем, что ты герой!* – проводил его врач с улыбкой.

Он выбежал из двери и еще услышал, как медсестра кричит вслед:

– *Пусть перестанут кусаться, а то врач останется без пальцев!*

*Опыт с врачом и с испорченными зубами принесли ему жизненное открытие: **страх можно преодолеть принятием решения.***

– У вас не будет евро или два на горячий чай? – Перед Ричардом стоял мужчина, вылезший из листьев. От него несло сильным запахом глеющих листья и пропотевшей одежды. Ричард достал кошелек, подал два евро скорченному человеку. Тот, поколебавшись, взял монету, поклонился, сказав:

– *Благодарю вас, сударь.*

– Не за что, – вежливо по привычке отвечает Ричард по-чешски, встает и собирается продолжить поиски кафе.

– Ага! Вы чех! – восклицает бомж, чуть распрямляется и переходит на правильный чешский язык. – Чехия – это такой прекрасный девичий задочек. Роскошный, как картинка: пейзажи, холмики, долинки. Всем там хорошо, тепло. И иногда ненавязчивые, тихие «взрывы эмоций», мелкие пакости, делающиеся исподтишка. Слежки друг за другом. То, что находится у соседей, – это чужое и глупое. Да, да, такая маленькая, привлекательная задница, зачем ее менять? – вздыхает он.

Искоса смотрит на Ричарда и, не дождавись ответа, продолжает:

– я не попрошайка, зарабатываю честно, не умею ни играть, ни петь. За эти два евро я расскажу свою историю.

И, не дожидаясь согласия или кивка, начинает.

Вы, наверное, думаете – какое мне дело до истории какого-то бомжа? Мы зарабатывали с партнерами большие деньги, но ничего исключительного в этом не было – всего лишь

случайность, удача. Хотя, смотря сейчас на свою прошлую жизнь глазами шестидесятилетнего человека, все же нахожу одну характерную черту, из-за которой сегодня я оказался в таком положении. По-моему, это называют одержимостью.

В восьмидесятых годах началось массовое использование персональных компьютеров. Я был тогда восторженным молодым парнем, программировал, исправлял, поглощал всю новую информацию, совершенствовался и для всех знакомых был неким универсальным айтишником: снабжал всем – от выбора компьютера, установки, технического ремонта до программного обеспечения и консалтинга. Моей наградой было приобретение опыта и высокого мастерства. При этом я получил еще кое-что другое – у меня развилось отношение к компьютерам как к живым существам со своей индивидуальностью. Мне казалось, что каждая машинка имеет свои «бзики» и специфические пороки, даже свое настроение, даже страх. Возможно, вам это покажется невероятным, но стоило мне войти в компьютерную, как тут же некоторые из механизмов прекращали работу, а другие зависали или тормозили.

Однажды мне позвонил знакомый и сказал, что его компьютер ведет себя странно.

– Слушай, этот мерзавец меня совсем не слушает. Когда я что-нибудь задаю ему, он долго думает и потом сообщает, что я ошибся. В другой раз работает без проблем, а потом вдруг его заклинивает и все.

– Может быть, он заболел или устал? – произнес я в шутку. Этот момент был решающим. Мое разумное «я», которое до сих пор отказывалось от сравнения компьютера с неким организмом, вдруг вырвалось наружу. «А почему бы и нет»? – пришло мне в голову, и я проитудировал всю доступную тогда литературу. Я наткнулся на несколько интересных статей, говорящих о каких-то «компьютерных вирусах». Первые из них были очень просты и изобретены творческими программистами, которые хотели получить удовольствие и подучиться.

Несколько лет спустя мы с другом придумали первую антивирусную программу и основали компанию. Наше внимание было сосредоточено не на бизнесе, а на развитии. Пришли восторженные программисты, и мы создали необычайно обширный центр анализа. Распространение вирусов быстро развивалось, выходило на профессиональный уровень, и мы, благодаря замечательным людям, быстро реагировали. Качество наших «антибиотиков» считалось одним из лучших в мире.

Хитрость вирусных программ, их ненавязчивость, приспособляемость, использование памяти и энергии убедили меня в том, что человечество на данном этапе находится в позиции малоопытного «бога». С одной стороны, проводит эволюционное развитие от самого примитивного к высокому, самостоятельному, искусственному интеллекту, а с другой – скушает и потому вносит элементы опасности и открывает ящик Пандоры, полный компьютерных заболеваний.

С самого начала наша компания вела себя скорее как энтузиасты-любители, которым платили добрым словом, кофе, иногда кексом и бутербродами. Спустя десять лет мы все еще находились в полуразрушенном здании с дешевой арендой, сэкономили каждую копейку, ездили на подержанных машинах и мечтали о настоящем отпуске.

А потом произошел крутой поворот. Ежегодный спрос постоянно увеличивался. Неожиданно мы стали богатыми, знаменитыми и не знали, как к этому отнестись. Кто говорит, что его это не изменит, – врет. На нас обоих это повлияло.

Не каждый пожилой мужчина признается, что молодая женщина полюбила его только из-за денег. Благодаря жене моего друга наша дружба распалась, мы перестали верить друг другу. В эту игру пришлось вступить юристам. Сила каждой компании зависит от того, насколько ей доверяют люди, работающие в ней. Как сильно они верят тому, кто их ведет. Авторитет вам не обеспечит политические обещания и раздаваемые «сладости». Приобрести

его возможно только своим действием, прожитой судьбой, однозначностью своего поведения. А мы к себе относились страшно: начали сплетничать и перетаскивать людей. Компания чахла, одному из нас надо было уйти.

– Вы были тем, кто проиграл? – насмешливо спросил Ричард, но сразу осознал, что перед ним стоит бедняга, который когда-то, скорее всего, был богатым и уважаемым человеком. – Мне очень жаль, – быстро попытался смягчить он свой сарказм.

– Только не сочувствуйте. Проигрывать надо уметь, и я проиграл, – улыбнулся бомж, – но не так, как вы думаете. Когда вы оказываетесь без денег – это страшно, когда уходит жена, которую вы любите и узнаете, что она вас только корыстно использовала, – это сумасшествие, но, если вы ставите все на одну карту – проигрыш неизбежен!

– Не понимаю.

– Позвольте мне рассказать до конца. – Мужчина достал откуда-то небольшую фляжку, откуда буквально вырвалось облако пара. Сделав глоток горячего напитка, продолжил.

Однажды вечером мы с другом случайно встретились на улице. Я был один, он пригласил меня посидеть где-нибудь. Мы выпили и быстро достигли нужной кондиции – все друг другу простили, но лишь до момента, когда разговор коснулся молодой супруги.

– Она тебя не любит, и когда ты обессилеешь и устанешь, она тебя бросит, как старое одеяло!

– Давай поспорим! Я тебе оставляю целую компанию, но если она после этого от меня не уйдет, ты мне вернешь мою половину.

– Если твоя любимая не уйдет, я оставляю тебе целую компанию. И тот, кто проиграет, должен один год жить на улице, как последний бомж.

Пьяные, убежденные каждый в собственной правоте и победе, мы в хорошем настроении разошлись.

– что? Вот это да! Вот это пари! – восхитился Ричард.

– Вы бы сумели такое сделать? Поставить все на одну карту, согласиться на такие условия? С детства мы подвергаемся непрерывным испытаниям, сталкиваемся беспрестанно с моментами, ситуациями, в которых решается наше будущее и наш дальнейший жизненный путь. Каждое успешное преодоление препятствия повышает уверенность в себе, провал же снижает ее. Повсюду находится слишком много критиков, ученых, психологов, советчиков, которые радостно или авторитетно нас обсуждают: что мы умеем, что испортили, как должны себя вести, на что мы не способны. Можно сказать, что они практически все решают за нас. **Никогда не позволяйте другим принимать решение за вас!**

Станный бомж снова сделал глоток и предложил Ричарду. Тот вначале просто качнул головой и мягко, чтобы не обидеть, произнес:

– Нет, спасибо.

Мужчина засмеялся и еще настойчивее протянул руку с фляжкой.

– Ну, не бойтесь, от меня вы не заразитесь.

Нехотя Ричард сделал глоток и чуть не задохнулся.

– Боже мой! Это что – горячий виски?

– Один из самых дорогих ромов в мире, – усмехнулся бомж и как ни в чем не бывало продолжил с еще большей решимостью: – Вы бы сумели это? Оставить все из-за женщины, которую любите больше всего? Вы бы сумели абсолютно все проиграть?

Ричард задумывается: *перед ним стоит сумасшедший рассказчик или невероятно принципиальный человек? Но это, наверное, несущественно. Несколько раз он влюблялся, но ни разу настолько, чтобы ради любви бросить все.*

– Нет, я, скорее всего, такого бы не сделал, – честно признается Ричард.

– Видите, и я проиграл, потому что я не верил в любовь.

– Как? Вы же ее любили! Она вас бросила?

– Нет, она его любила, хотя он был бедный и на двадцать лет старше.

– Вы... были тем, другим! – Ричард в изумлении опускается на скамейку. Бомж подсаживается к нему.

– всю жизнь я прожил с одной женщиной. Не идеально, нет, но мы относились друг к другу с уважением и терпением, не вмешивались в чужие дела и вели себя прилично. Я считал, что это нормально, – влюбленность уходит, наступают серые будни. Когда моя жена узнала, что случилось, сказала: «Старый дурак! Ты позволил себя ограбить! Ты ненормальный! Разведемся!» Да, я был дураком и поддался заблуждениям, как и все вокруг.

– Каким заблуждениям?

– Вместо того чтобы учиться любить себя и других, мы лишь стараемся, чтобы в нас кто-то влюблялся, увлекаемся только тем, что делаем сами, как выглядим, привлекательны ли, успешны и богаты ли. **Самолично «упаковываем» себя как товар и начинаем продавать.**

Чудной бомж замолчал. Два человека сидели рядом, окоченев, время от времени передавая друг другу фляжку и наблюдая за воронами невдалеке, дерущимися из-за кусков черствой булки.

«Как просто – короткая история, несколько мгновений – и мужчины становятся союзниками», – промелькнуло в голове Ричарда, ром медленно кружил ему голову.

– Возьмите свои два евро, они мне действительно не нужны. – Мужчина достал монету и вернул ее Ричарду. – Вы мне не верите? Вам не надо пытаться вызвать мою симпатию, это уже произошло, мне эти деньги действительно не нужны, – настаивал он, видя, что Ричард колеблется. Взял его руку и вложил в нее монету. – К Au Café идите туда. – Он махнул рукой, развернулся и пошел в другую сторону.

Глава IV

Совершенство лишает человечности и делает из нас отвратительных личностей.

Ричард наконец-то, хотя и на час позже, входит в Au café. Оно находится прямо на берегу Дуная, откуда открывается прекрасный вид на крепость Девин и старую часть города. Сквозь тучи прорвалось солнце, которое прогревает кафе через застекленную стену. Помещение почти пустое, официанты зевают, стоя около бара. В центре сидит Джон с красивой женщиной.

– Добрый день, извините, но...

– Не стоит! Мы с Мириам сами справимся, – говорит Джон иронично. Женщина встает, ее рост более ста восьмидесяти сантиметров, что удивляет Ричарда. Сам он ростом сто семьдесят девять и всю жизнь чувствовал себя высоким. Они подают друг другу руки, он чувствует натруженную ладонь с длинными, тонкими пальцами, мельком смотрит Мириам в лицо. «Ласковые, печальные миндалевидные глаза с неуловимым выражением», – мелькает у Ричарда в голове.

– У вас совсем холодная рука – наверняка долго искали нас, – извиняет Мириам его опоздание.

Ричард присаживается и кратко пересказывает историю, случившуюся с ним. Джон прищуривает глаза – как всегда, когда ему кажется, будто что-то не так.

– Похоже, он тебе рассказал не всю правду о том договоре. Хотя договор был заключен на один год, у него имелся запасной выход. Если он в роли бомжа сумеет кому-то отдать деньги, полученные даром, он сможет вернуться.

Печальные глаза Мириам на минуту засияли.

– Почти как в сказке. Эта история гуляет по Братиславе, но никто ей не верит. Возможно, что вы только что спасли одного человека от переохлаждения. Кто поверит бомжу и позволит вернуть пожертвованные ему деньги?

– Мириам подготовила для тебя свою жизненную историю. Было очень трудно ее уговорить.

Слова Джона Мириам явно развеселили. «Почему ты никогда не говоришь, как в действительности все было?» – подумала она, но вслух произнесла лишь:

– Историю я вам с удовольствием расскажу, но будьте осторожны с Джоном.

– что вы имеете в виду?

– Господин Рок обладает невероятным мастерством. – Спокойно переждав неодобрительную жестикуляцию Джона, Мириам продолжила: – Он может в каждом из нас раскрыть то, что мы сами часто не хотим принять, – истинные мотивы, инстинкты, которые заставляют нас идти вперед. И когда...

– Спасибо, Мириам, за рекламу, но давайте перейдем лучше к вашей истории, – прерывает Джон, явно недовольный направлением беседы.

– Моя история женская и предвзятая, – начинает Мириам извиняющимся тоном.

Что мужчины знают о жизни! У них все проще. Когда женщине сорок пять, она впервые внимательно смотрит назад – и вдруг до нее начинают доходить некоторые вещи. Они не всегда приятны, но важно при этом оставаться оптимистом. Жизнь – это дар, который мы получили, и горевать не имеет никакого смысла.

Я закончила техникум и поехала в Англию работать au pair (няней, помощницей по хозяйству – как получится).

Сперва с намерением после года вернуться и учиться в вузе. Но до этого так никогда и не дошло. В Англии мне понравилось, я прожила там пять лет. Поменяла множество профессий – работала официанткой, бухгалтером, продавицей. Все мне нравилось, каждая работа была интересной.

У торгового центра, в котором я работала, появился конкурент, произошла утечка клиентов. Там не хватало кого-то, кто бы подумал о сложившейся ситуации. Не знаю уж, каким образом и почему мне пришло в голову обойти несколько ближайших магазинов и организовать пару торговых и рекламных мероприятий. Люди начали возвращаться, мы удержали клиентов. К нам стали присоединяться все большее количество магазинов. Они апеллировали ко мне как к настоящему профессионалу. В этом как раз англо-саксонская культура и удивительна – если вы что-то умеете, остальные будут поддерживать вас и обращаться за советами.

Однажды явился молодой человек в пиджаке, представился новым директором торгового центра и предложил мне позицию директора маркетинга. От соблазнительной зарплаты нельзя было отказаться – так началась моя карьера.

Лондон – прекрасный город, а англичане – хорошие ребята. Но рано или поздно вы начинаете тосковать, сначала чуть-чуть, а потом все больше и больше. Одиночество тяжело переносится за границей. Наконец вы пакуете чемоданы. Все равно, сколько вы зарабатываете, какая бы ни была перед вами карьера. Короче говоря – валите домой, чтобы найти себе чеха или словака, вернуться в страну, в которой прекрасно живетесь и погода не столь дождлива.

Мне повезло. Когда я вернулась, реконструировали Виноградский рынок в Праге, и я сразу нашла работу. Конечно, сравнивать Лондон с Прагой нельзя, но я была удовлетворена работой.

Я вышла замуж, родила сына, передала его бабушкам, няням, детским садам и пыталась своей энергией, жизненной силой соединить то, что мало кому удается: личную жизнь и работу, поглощающую все время. Моя карьера развивалась стремительно, и я работала больше и больше. Я много зарабатывала, и складывалось впечатление, что я могу позволить себе очень многое. Но жажда денег была сильнее. Мне хотелось заработать столько, чтобы не надо было работать вовсе, а лишь наслаждаться. Думаю, вы понимаете, о чем я.

До этого момента все выглядит оптимистично, может быть, чуть скучно. Но жизнь никогда не допускает такого. Она подготавливает сценарий, который нам преподносит неожиданности. Первым – неприятным – сюрпризом был мой муж. Несмотря на то что я полностью его содержала, он нашел себе женщину моложе, с менее острым умом – тот домашний тип, который лучше обслуживает его эго и половой орган. Воевать было бессмысленно. Так я однажды стала матерью-одиночкой.

Спустя несколько лет мне поступило другое предложение – управлять одним из крупнейших торговых центров в Братиславе. Меня ничего не держало в Праге, я упаковала чемоданы и переехала. Торговый центр принадлежал американцам. Их культура по сравнению с другими западными культурами является самой открытой. Англичане – ОК, однако они относились ко мне как к иностранке, явно указывая, где мое место. Каждая западная страна относится к нам с позиции превосходства – разница лишь в том, в какой мере. Для американцев же вы являетесь равноценным партнером – в хорошие времена и в плохие. Я обошла торговый центр, отдала ему все, создала коллектив, заработала еще больше денег. И опять жизнь явилась со своим сценарием.

Моему сыну было пятнадцать лет.

Мы стояли на перекрестке, красный свет светофора. Зажегся зеленый, и я шагнула на зебру перехода. Однако сын остался стоять. Я оглянулась и спросила:

– что такое, почему не идешь?

– Не могу, здесь полоса, нельзя, мне надо обойти.

– Что это за глупости! Сделай шаг и переступи!

Он не двинулся с места. Мы обошли переход странным способом, я списала эту выходку на пубертатный период и почти забыла об этом.

Через пару дней случилось что-то подобное. Припарковавшись, я вышла из машины, сын открыл дверь, но остался сидеть.

– что случилось, почему ты не выходишь?

– я не могу, здесь нельзя.

Я обошла машину – перед ним была широкая белая полоса.

– Хватит, перестань отпускать дурацкие пубертатные шутки и выходи сейчас же!

Он расплакался:

– Мама, я не смогу, так не пойдет.

Количество вещей, которые он не мог делать, быстро росло. Пришлось обратиться к психологу.

– Обсессивно-компульсивное расстройство, – сказал психолог буднично, словно это вполне естественно.

– Извините, боюсь, я не поняла вас.

Он снисходительно улыбнулся и наставническим тоном объяснил:

– Обсессия – патологически навязчивая мысль или идея. Компульсия – поведение, которое обычно повторяется и кратковременно снимает страх и тревогу. Есть люди, которые, например, должны постоянно мыться, потому что они чувствуют себя все время грязными.

Кто-то страдает крайней подозрительностью, все закрывает и скрывает. – На секунду он замолкает, прикрывает глаза и продолжает тихо: – В большинстве случаев obsессией страдают, как правило, политики.

– Почему политики? – Я чувствую себя смущенно и все еще не понимаю – является ли это заболевание серьезным, можно ли его лечить, как долго это будет продолжаться, – в общем, типичный подход менеджера.

– Некоторые политики страдают чувством бедности – невзирая на большое количество денег, они должны все больше воровать и брать, чтобы хоть на короткое время избавиться от своего страха, – он продолжает с улыбкой: – Извините, мне нужно немного облегчить состояние мальчика, ситуация действительно серьезна, вашему сыну необходима помощь.

Я была практичной женщиной, привыкшей действовать быстро, справляться с кризисными и стрессовыми ситуациями, а то, что происходило сейчас, мне не нравилось, я была не в состоянии управлять этим и чувствовала необыкновенную тяжесть в груди. Врач молча смотрел на меня некоторое время, подыскивая подходящие слова.

– это может быть результатом семейного воспитания, пережитых травм в детстве. Защита от чего-то, чего ему недостает, – мне кажется, вы слишком заняты. Сколько времени вы уделяете своему сыну?

Перед моими глазами пролетели все годы, когда я уходила рано утром, сын еще спал, а вернувшись с работы, недолго брала его на руки и опять отдавала – няне, бабушке, партнеру. Много мероприятий происходило по вечерам. Он плакал, протягивал ко мне руки, а я лишь махала ему на прощанье, стоя в дверях, улыбалась и убегала.

– Немного. – Растущее беспокойство полностью захватило меня. До меня начало доходить, что я совершила фатальную ошибку, исправить которую будет очень сложно. – Боже мой, но почему это не проявилось раньше? – спросила я будто сама себя.

– Обычно это проявляется при гормональных изменениях – в случае, к примеру, с вашим сыном.

– что мне делать? Оставить работу и заниматься с ним?

– Слишком поздно. Найдите ему хорошего психотерапевта.

Найти такого мне удалось только через год – никто не смог убедить сына, что он должен лечиться. Я уже теряла надежду. Он принимал таблетки, но ситуация разительно не улучшалась. Мое подозрение, что он не принимает их, превращалось в уверенность. Я отказалась от интенсивного поиска и наконец, получив заинтересовавшую меня рекомендацию, обратилась к очередному специалисту. Мужчине было лет сорок пять, на первый взгляд он выглядел старше – глубоко посаженные глаза, большая голова, длинные седые волосы стянуты в маленький хвостик, коротко стриженная черная борода создавала разительный контраст с пепельными волосами.

Он усадил нас в кресла, сам сел напротив без единого слова, внимательно рассматривая.

– Мой сын страдает obsессивно-компульсивным расстройством, и мы ищем специалиста.

Психотерапевт остановил меня движением руки и обратился к сыну:

– Хочешь мне помочь вылечить твою маму?

Сын опешил, он не был уверен – всерьез это или просто уловка. Мужчина не ждал ответа и продолжил:

– это серьезно, у твоей матери травма, она думает, что причинила тебе боль и не может избавиться от этого чувства.

Это сработало. Мы посещали психотерапевта как вместе, так и по отдельности.

Первый год был трудным, все двигалось очень медленно, я плакала каждую ночь, как маленькая девочка, – что же я за мать! Через два года состояние моего сына стало заметно лучше, мы проводили вместе много времени. У меня отлегло от души, я опять влюбилась, на

этот раз это был словак, и в сорок лет родила второго сына. С самого начала я не стала полагаться на волю случая, временно передала торговый центр коллегам и еще во время беременности начала думать о том, что будет дальше: если я вернусь, снова попаду в этот круговорот и ситуация повторится. Совесть не давала мне покоя, я хотела искупить свою вину. И вдруг мне пришло в голову создать специальный детский сад английского языка, ориентированный главным образом на родителей, на уменьшение рисков воспитания и последствий недостатка внимания. Детский сад, где родители могут в любое время видеть своих детей посредством камеры, разговаривать с ними, обмениваться впечатлениями в течение дня, советоваться с воспитателями, посещать методические мероприятия, на выходные встречаться и ближе узнавать друг друга – родителей, детей, педагогов.

Несколько лет спустя мы с мужем претворили эту идею в жизнь. Начало потребовало значительных финансовых затрат. Когда у вас нет достаточного количества денег, вы обязаны их где-нибудь заработать. Каждый бизнес в начале является убыточным, для детского сада мы взяли деньги взаймы. Другого выхода не было, с работы в бизнес-центре по финансовым причинам я уйти не могла.

Мы снова крутились, как белки в колесе, и все выглядело хорошо.

Но опять пришла жизнь со своей проклятой программой.

Я бежала по лестнице вверх, вдруг ужасно забило сердце, меня охватила слабость, и я опустилась на ступеньки. Внезапно все вокруг расплылось, я потеряла сознание. Прошло, может быть, секунд тридцать, сердце вернулось в нормальное состояние, и мне стало легче. Я была удивлена. Мы, люди, неисправимы – до последнего момента не признаем свои болезни и слабости. Подобные ситуации стали повторяться. Мое сильное сердце предало меня. Аритмию уже не могли лечить лекарствами, и тогда мне сделали операцию – установили кардиовертер-дефибриллятор, коробку, которая дает сердцу импульс, чтобы оно вновь стало послушным.

– Милая девушка, – сказал врач, которому было лет семьдесят, – прекратите дурить со своей жизнью и судьбой. Ваше сердце говорит, что у него уже нет сил. Далее – никакого стресса, измените свой жизненный ритм. Ясно?

– Господин доктор, я не могу. Разве сегодня можно, если хотите чего-то добиться, сидеть сложа руки?

– Вы правы, это трудно. Еще пару неделек продержитесь, вы достаточно молоды, жизнь еще впереди. Я не психолог, я обычный врач, но вы все-таки подумайте. Что-то мешает вам – кровеносные сосуды в порядке, избыточного веса нет, энергию можете раздавать – но где-то что-то вам вредит.

– я знаю, господин доктор. Я навредила своему сыну, меня совесть гложет, и я не могу избавиться от чувства вины. Пока я ее не искуплю, со мной будут происходить такие вещи.

Солнце зашло, кафе стало серым и грустным, будто вещи вокруг слышали и чувствовали внутренний ритм Мириам. Рассказ медленно оседал у Ричарда в голове. Докуда человек согласен пойти, где находится та граница, откуда уже нет обратного пути? И вообще, существуют ли какие-либо пределы? Для человека, который чего-то упрямо добивается, видимо, нет. Судьбы бомжа и Мириам похожи друг на друга. Понять, что в жизни является самым важным, — это одно, но как вести себя правильно? Возможно, это имел в виду Джон, говоря о третьей степени независимости?

– Теперь вы знаете мою историю. Передо мной несколько путей – и я не знаю, какой выбрать. Я не страдаю от менеджерского синдрома, мне не нужно быстро принимать решения, я не боюсь будущего. С другой стороны, человеку надо зарабатывать, ощущать свою необходимость. Сон о «больших» деньгах рассеялся.

– Тяжело себя простить? Каждый в чем-то виноват. Вы сильная женщина, я восхищен тем, чего вы достигли. – Ричард сам удивлен собственной откровенностью. Впервые он вслух, не стыдясь, высказал кому-то свои симпатии.

– Как себя простить? Мои мысли полны краха, боли и вины. Я дитя нашего времени, которое диктует нам, что хорошо и что плохо. Я не способна иметь независимый взгляд с перспективой, я рассматриваю себя с точки зрения общественных норм и морали.

– Социальный статус, деньги, имущество, common sense – как правило, принятые клише, мораль – вот зеркало нашего успеха! – произносит медленно и пафосно Джон. – Такая ерунда! Государство устанавливает законы, полиция и суды вынуждают их соблюдать. Ни больше ни меньше. Большинство из этих законов бессмысленны и служат только целям отдельных групп людей или решают маргинальные проблемы.

Право оценивать нас имеем только мы сами!

Никто не накажет нас сильнее. А мы часто делаем это и без объективного обсуждения.

– Как просто это сказать, Джон, но ты не находишься в моей шкуре!

– Перестань принимать себя слишком серьезно! Побудь в моей шкуре и посмотри на себя! Твой диагноз: перемотивирована. Все, что ты делаешь, должно быть безошибочным, безупречным, ты чувствуешь ответственность абсолютно за свои действия, ошибки берешь на себя и наказываешь себя. Плюнь ты на это и веди себя нормально. Оставь! Это в прошлом, живи сегодня и будущее само тебя простит. – Джон слегка жмет ее руку. – Извини.

Мириам отворачивается, пытается спрятать слезы. Глубоко вздыхает:

– жизнь совсем не проста, но почему, собственно, она должна быть простой? – Встает и протягивает руку. – я позвоню.

В гардеробе разрешает внимательному официанту надеть ей пальто и сопроводить к двери. Заходящее солнце прорывается меж плотных облаков. Мириам глубоко вздыхает и идет вдоль реки.

– Думаете, ей это поможет? – спрашивает Ричард.

– Надеюсь. Все зависит от того, как глубоко мы ее задели и насколько она хочет показать вам, что человек может измениться.

– При чем тут я? Она меня видела в первый раз, – возражает Ричард.

– Вы были предельно откровенны и одновременно беспристрастны. На первый взгляд, видна взаимная симпатия. Вы ей очень помогли. Когда придет время, Мириам вам это вернет. Мне тоже надо идти, следующая встреча состоится в Нью-Йорке. Восхитительный город, вам понравится, вот билет. – Джон оборачивает вокруг шеи шарф, подает удивленному Ричарду руку и направляется к выходу. Вдруг разворачивается и насмешливо спрашивает:

– А тот ром был хорош, не правда ли? – Не дожидаясь ответа, надевает пальто и исчезает за дверью.

Глава V

Сильная идея заразительна и не требует пропаганды, люди ее сами разнесут.

Ричард чувствует себя уставшим. Полет из Лондона в Нью-Йорк длится почти 7 часов, но разница во времени приводит к тому, что вы вылетаете вечером и прибываете тоже вечером. Менее чувствительные и более привычные люди с легкостью засыпают после взлета и просыпаются незадолго до посадки. Ричард тоже пытался несколько раз заснуть, но безрезультатно. И вообще, это был ненормальный полет.

Он больше никогда не сядет на среднее сиденье! С обеих сторон на него навалились более привычные к путешествиям пассажиры. Он ненавидит, когда к нему прикасаются чужие. Соседи сразу же заняли оба подлокотника, и он чувствовал себя как в смиренной рубашке.

Сосед около окна снял обувь, запах его носков распространялся в воздухе, как зреющий сыр, дама слева постоянно вздыхала во сне, и ее голова странно болталась из стороны в сторону, будто с потолка свисал старый оторванный вентилятор, качающийся на электрическом проводе. Чтобы уснуть, Ричард решил взять пиво и выпил сразу несколько банок. Вместо сна, однако, образовалась другая проблема. Он осторожно прикоснулся к соседке. Дама сперва посмотрела на него недоумевающим взглядом, потом надела туфли, поправила блузку, застегнула брюки, толстыми руками подтянулась за переднее сиденье таким образом, что его почти вырвало из пола, и маленькими шажками, ступая пухлыми отекистыми ногами, выползла в проход. Своим объемистым задом она буквально придавила мужчину, сидящего с другой стороны прохода. Спящий испугался, вскинул руки и ударил свою соседку в лицо. Девушка закричала, большинство пассажиров проснулись и в испуге вслушивались, пытаясь понять, что происходит. В салон вбежали стюардессы, одна из них споткнулась о протянутую ногу и пролетела по проходу несколько метров, трое мужчин вскочили, двое начали помогать женщине встать, третий вдруг вытянул пистолет, но тут же его спрятал. Пожилая дама вскрикнула: «Террористы!» В ту же секунду весь самолет был на ногах. Все длилось несколько мгновений – Ричарду даже пришло в голову, что таким образом, вероятно, выглядит цепная ядерная реакция.

Приблизительно через час мочевого пузыря настойчиво напомнил о выпитом пиве. Несмотря на то что Ричард решил просидеть весь рейс, ему это не удалось. Пришлось перелезать через соседку. Встав на свое сиденье, аккуратно перемахнул через спящую женщину и поставил одну ногу на край подлокотника, медленно перемещая свой вес на другую. Тут соседка слегка зашевелилась во сне и локтем столкнула его ногу с подлокотника. Он всем весом упал на ее объемные бедра. Женщина вытаращила глаза.

– Извините, извините, – поспешно сказал он как можно более вежливо, пытаясь быстро переместиться в проход. Это оказалось совсем нелегким делом. Ему нужно было на что-то опереться руками, но для этого пришлось бы налечь на ее пышную грудь. Женщина вдруг неожиданно мило улыбнулась, протянула пухлую руку и сказала:

– Приятно познакомиться, молодой человек. Меня зовут Елена, а вас?

– Ричард. Извините, кажется я выпил слишком много пива. Я не хотел...

– Все очень просто – мы поменяемся местами. Вы мне напоминаете моего приятеля, который... – она не успела закончить предложение.

Самолет вдруг неожиданно резко накренился влево, зажглась надпись «Пристегните ремни безопасности». Самолет начал резко раскачиваться из стороны в сторону и стремглав сорвался вниз. Ричарда охватил неопределимый страх. Мужчины кричали: «Что происходит?», женщины вопили: «О боже, господи боже мой!». Самолет продолжал падать с большой скоростью. «Не рановато ли умирать?» – подумал Ричард впервые в жизни. Вдруг он разозлился на Джона – это он таскает его по всему миру. Если бы остался дома, ничего бы не случилось!

Женщина, представившаяся Еленой, вдруг обняла его и крепко прижала к себе.

– Не бойтесь. Я уже несколько раз была близка к смерти, летчики с этим справятся, я не чувствую ничего, что говорило бы мне, что это конец, а у вас, – она ласково посмотрела на него, – еще все впереди. С вами ведь все время происходят странные вещи?

Меж тем падение самолета прекратилось. Елена поцеловала его в щеку и ловко переместилась на среднее сидение.

– Говорит капитан экипажа. Мы приносим извинения за возникшую ситуацию. Самолет находится под полным контролем, все устройства работают нормально. Желаю приятного дальнейшего полета.

– Видите? Что я вам говорила? У меня сильная интуиция. Я могу узнать не только близость смерти, но и многое другое – например, когда приземлится молодой мужчина мне на колени. – Женщина замолкает, словно обдумывая, сказать ли еще что-то или промолчать.

– Извините, в следующий раз я не буду пить столько пива или сяду на место у прохода.
– Однажды, когда вы станете знаменитым, я похвастанюсь, что вы сидели у меня на коленях.

– Почему вы думаете, что я буду знаменитым?

– У вас это на лице написано! И не делайте вид, что вы об этом не знаете.

Вот наконец появляется его чемодан, Ричард быстро снимает его с транспортера и спешит к выходу. Он съит по горло самолетами.

– Не забудьте передать от меня привет Джону! – звучит за его спиной. Он поворачивается, за несколько метров от него стоит пышечка Елена и с любезной улыбкой машет ему рукой.

«Что это значит? Он поручил следить за мной?» Ричард улыбается, скрывая раздражение, и уходит.

Он выходит из метро, но в голове навязчиво повторяются слова: «С вами ведь все время происходят странные вещи?» Улицы Нью-Йорка кажутся ему неправдоподобно прямыми и похожими друг на друга. Он направляется по East Houston Street, переходит несколько перекрестков. По дороге он видит множество магазинов, фастфудов, всякого рода мастерские, все они безвкусны и причудливы, словно из фильмов о Диком Западе. Наконец он видит угловой одноэтажный дом с плоской крышей. Он выглядит очень ветхим, грязным, неухоженным и заброшенным. С обеих сторон висит броская надпись «KATZ'S». «Это здесь мы должны встретиться? Совсем не похоже на Джона».

С чувством большого недоверия и отвращения Ричард входит в дом. Однако если до сих пор он надеялся на приятное и тихое место, где сможет поужинать и отдохнуть, то сейчас это чувство исчезает. Он оказывается в огромной забегаловке. Народ стоит в очередях, кричит на обслуживающий персонал, здоровые парни накладывают какие-то сосиски, огурцы, хлеб, ветчину на облупленные подносы. Все столики заняты, Ричард даже не видит конца помещения, такое оно огромное, но люди все-таки ждут, пока остальные доедят и следующие займут их места. Воздух пропитан запахом вареного мяса, горчицы, лука и соленых огурцов. Люди набирают огромные порции. Ричард чувствует голод, что воспринимает как положительную информацию – после долгого полета у него был расстроен желудок, про еду он даже и думать не мог. Неожиданно кто-то похлопывает его по плечу.

– Ричард! Я рад вас видеть. Кажется, вы немного устали? Вот это обжираловка, не так ли? Выглядит как конюшня, но поверьте мне – это самый старый и знаменитый ресторан Нью-Йорка. С 1888 года его меню не слишком изменилось. То, что выглядит как ветчина, – это пастроми, настоящий деликатес из отборной говядины. Если бы вы были евреем, я мог бы заверить вас, что все это кошер. Пошли, найдем себе местечко. – Они пробиваются сквозь толпу и ищут свободный столик. В конце зала поднимается шумная многочисленная семья, и у них появляется возможность сесть.

– Подождите, я схожу за едой. Надеюсь, позволите мне выбрать? – спрашивает Джон и, не дожидаясь ответа, продирается сквозь толпу, встает в очередь. Ричард смотрит вокруг – ортодоксальные евреи с многочисленными семьями выглядят как черные тараканы, афроамериканцы – огромные мясистые мужики с бритыми головами контрастируют с ярко одетыми женщинами, невыразительные маленькие азиаты, видимо корейцы, наслаждаются большими порциями. Стены покрыты сотнями фотографий знаменитых и известных людей.

– Так, вот наш заказ. – Джон ставит на стол полный поднос огурцов, хлеба и пастроми. Все так головокружительно пахнет, что голодный Ричард немедленно набрасывается на еду.

– Ммм, это замечательно!

– Я же вам говорил, – спокойно роняет Джон и с аппетитом присоединяется к Ричарду.

– Этот огурец не маринованный, а соленый!

– Такие огурцы вы можете попробовать также в Москве. У Америки и России много общего.

– Как это возможно, ведь они сто лет жили в совсем разных режимах?

– Как это ни парадоксально, но причина тому – еврейские погромы в России. В девятнадцатом веке в Америку эмигрировало более трех миллионов русских евреев. Естественно, они привезли свои обычаи и культуру. Потом мы прогуляемся вдоль самого красивого Бруклинского моста, я покажу вам район, где начинали большинство мигрантов.

Насытившийся Ричард чувствует себя превосходно, всю усталость как рукой сняло. И весь мир сразу стал добрее.

– Вы знаете, что в самолете я на вас очень сильно разозлился за то, что чуть не погиб?

– Злость – это в порядке вещей, но мне было бы жаль потерять вас. Лучшего ученика мне не найти. А что, собственно, случилось?

Ричард изложил свои проблемы с того момента, как свалился на полную женщину, вплоть до падения самолета.

– И еще – чуть не забыл – я должен передать вам привет от Елены, – говорит он невзначай, словно только что вспомнил, при этом внимательно наблюдая за реакцией Джона.

– Спасибо! Елена – восхитительная женщина, когда-нибудь расскажу про нее. Вот ведь случайности! Интересно, что человек перед смертью не думает о своих близких, о семье, а просто злится. Смерть – нечто весьма благородное, а единственное чувство, которое вы ощущаете – это гнев.

Джон вытирает рот салфеткой и смотрит на удивленного парня.

– В вашем случае, однако, это хорошее известие – никакого плача, сожаленья о своей судьбе, страха перед будущим. Гнев является проявлением ваших мыслей, предчувствием, что впереди – большие события. У полногрудой Елены действительно сильная интуиция, она же предсказала, что однажды вы станете знаменитым.

Ричард пытается разглядеть на непроницаемом лице Джона хоть малейший намек на иронию, но выражение его остается невозмутимым.

– Как смерть может быть благородной? – вопрошает он.

– Так же, как и рождение, она приносит существенное неотвратимое изменение, она всегда завораживает, несмотря на сопровождающие ее неприятные обстоятельства. Люди сегодня в большей мере одержимы смертью, чем собственной жизнью. Их отношение к смерти можно сравнить с рекламой нового автомобиля. Смерть стала самым большим хитом – военные фильмы, фильмы-катастрофы, детективы – чем больше мертвых, тем более привлекательно...

– Джон, не закончив, встает.

– Мы еще к этой теме вернемся, а теперь нас ждет мост. – Ричард поднимается вслед за ним. Они заплатили у большой старинной кассы и выходят на улицу. Уже около восьми часов вечера, несмотря на ненастную погоду, улица полна людей и машин. Перед ними останавливается такси, водитель-индиец опускает стекло.

– Такси, сэр?

Они садятся в машину, и Джон говорит:

– Бруклинский мост, пожалуйста.

Через двадцать минут они шагают по одному из самых прекрасных и старых разъемных мостов в мире. Широкий тротуар, расположенный в средней части моста, с обеих сторон мчатся машины. Несмотря на поздний час и холодную погоду, здесь полно бегунов и велосипедистов. Ричард восхищен мостом и ночным видом на Бруклин и Манхэттен, он постоянно останавливается.

– Я обожаю этот мост, но еще больше мне нравится история его возникновения. Он является доказательством того, что для воплощения идеи нужен не только сам Христос, но и его

ученики. – Джон вытаскивает маленькую плоскую фляжку и подает ее Ричарду. Тот подозрительно смотрит на нее, берет, отпивает и произносит с сарказмом:

– Этот ром по вкусу как у того бомжа, но более качественный.

– У нас одинаковый вкус, – с показным равнодушием отвечает Джон, вытаскивает маленькую записную книжку и начинает читать: – Мост придумал Джон Реблинг в 1869 году, но без участия его сына и снохи моста бы не было. Он пытался в течение целых пятнадцати лет реализовать этот проект. Удивительная настойчивость! Он умер спустя две недели после начала строительства, когда лодка раздавила ему ногу и он отказался от лечения. Не нашлось никого, кто мог бы завершить строительство. – Джон продолжает читать:

– Однако его сын, Вашингтон, верил в идею своего отца и убеждал, что справится со строительством. Он был настолько настойчив, что ему доверили пост главного инженера. Он руководил всеми строительными операциями. Заложить фундамент мостовых опор было опасным мероприятием, земляные работы проводились в «кессоне» – это своего рода колокол, который позволяет работать без водолазного снаряжения. Однако при работе на большой глубине существует вероятность кессонной болезни. При быстром подъеме у человека в крови возникают пузыри азота, что вызывает удушье и кровотечение из носа. Тяжелая форма болезни может привести к параличу или смерти. Вашингтон все контролировал лично и проводил много времени под водой...

Ричард чувствует беспокойство.

Он смотрит из окна, видит широкую реку, из которой вырастают огромные пилоны, один уже закончен, и к нему ведет дорога. Вдруг он слышит голос.

– Эмили, пожалуйста, подойди ко мне.

Он поворачивается, слышит шуршание одежды. «Почему я в женском наряде?» – недоумевает он. На широкой старинной постели лежит мужчина. Он выглядит изможденным, потухшие глаза, лицо бледно, его трясет в лихорадке. «Умирает», – приходит на ум Ричарду. Он подходит к постели и присаживается на стул. Внимание его привлекает интересный столик, который буквально обвивает стул. Он состоит из нескольких ярусов и завален бумагами.

– Эмили, как ты узнала, что канаты некачественные? – спрашивает Вашингтон Реблинг, пытаясь улыбнуться. В голове Ричарда с невероятной скоростью проносится женская судьба: хватило одной встречи, чтобы она влюбилась на всю жизнь в единственного мужчину, человека, который способен во имя идей своего отца пожертвовать собственной жизнью. Когда Джон Реблинг, его отец, внезапно умер буквально после начала строительства Бруклинского моста, не было никого, кто хотел бы доверить сыну строительство. Однако Вашингтон убедил всех, но какую цену ему пришлось за это заплатить? Кессонная болезнь поглотила его организм, и бог знает, выздоровеет ли он. Она, Эмили, решила спасти своего мужа любой ценой, пытаясь защитить его от дальнейшего стресса, она не хотела, чтобы он продолжал руководить строительством. Отказывалась передавать ему любую неприятную информацию. Напряженность росла, здоровье ухудшалось. Однако кое-кто ее убедил. Как-то раз она, расстроенная, вышла из комнаты, а ее маленький сын бросился ей в объятия.

– Мапочка, папа не построит этот знаменитый мост, раз он так болен? – Он заглянул ей в глаза несчастными глазами ребенка, который не сможет рассказывать своим друзьям, какой у него знаменитый отец.

Нет! Этого нельзя допустить!

– Не бойся, Джон, папа не только закончит строительство, но и обязательно поправится. Мы с тобой ему поможем.

Она сразу взялась за дело. Написала письмо руководству компании, которое хотело уволить мужа, и, убежденная, что справится со всем, перевезла Вашингтона в Бруклин, чтобы

муж видел стройку непосредственно из окна. По ночам она изучала математику, физику, статику, конструкции, материалы и финансы. Более того, все это было так занимательно, что Эмили пребывала в восторге. Она стала незаменимой для продолжения строительства.

Но потом произошло нечто, за чем она не смогла уследить, и теперь обвиняла себя, что не оправдала надежд. Главный поставщик стальных канатов все время мошенничал! Подозрительно, что при обсуждении вопроса снижения цены молодой владелец не возражал. Стоило предвидеть, что такое рано или поздно случится. Что будет дальше? Более 30 % уже натянутых несущих канатов было сделано из некачественной стали! Они уже при незначительной нагрузке порвутся, как нитки.

– Эмили, не переживай, ты же не виновата. Я придумал, как мы это исправим. Смотри. – Вашингтон протянул дрожащую руку к столу за бумагой и карандашом, с трудом делает набросок. – Здесь и здесь натянем новые канаты, а те некачественные станут своего рода страховкой в случае нагрузки. Ты вовремя обнаружила это!

– Извини, это моя ошибка, контроль должен был быть более основательным. Наивная и доверчивая женщина! Когда первые канаты лопнули, я сразу бросилась на завод. В тот момент не было никого, с кем я могла бы оставить нашего сына, мне пришлось взять его с собой. Мы прошли метр за метром цех, проверяя весь процесс производства, входы, отгрузку. Я нигде не обнаружила ни одной ошибки. Так была поглощена осмотром, что не заметила, куда делся маленький Джон. К счастью, когда мы вышли во двор, он сразу выбежал из какого-то цеха — грязный, выглядел сердитым, мне даже показалось, что он плакал. Так ему и надо, подумала я в сердцах, в следующий раз будет более осторожным. Но все-таки отчитала его:

«Джон, где ты был? Здесь опасно, ты можешь упасть, потеряться!» Сначала он выглядел виноватым, не хотел ничего говорить. Лишь по дороге домой начал рассказывать.

«Я был в другом цеху, там лежит много канатов. Я по ним лазил и прыгал, как вдруг меня схватил мужчина и отвел меня в комнату. Эти люди были ужасно злые. Дескать, что со мной делать, если я вдруг все расскажу? Я ничего не понимал. Потом один симпатичный джентльмен в шляпе сказал, чтобы я мчался домой и, если кому-то расскажу об увиденном, то мне несдобровать».

Сначала я ему не поверила, но все-же решила ночью пойти на производство и попытаться попасть во второй цех. Я переоделась в рабочую одежду и смешалась с ночной сменой. Во дворе стояли телеги, полные канатов, которые утром должны были быть перевезены к мосту. Потом рабочие запрягли лошадей и въехали на этой телеге в другой цех. Я прокралась внутрь, сердце мое сильно забило: готовые канаты сбрасывали в одну сторону, а с другой — загружали некачественные. Вашингтон, наш сын, все обнаружил! Благодаря ему мы знаем, что творится. Уже сегодня я пойду на завод к старшему хозяину, скажу, что мы все знаем, и мы договоримся о более жестком контроле.

Муж слегка улыбается:

– Эмили, ты такая смелая. Обещай мне, что не поедешь одна, всякое может случиться!

«Да, всякое», – подумала Эмили. Если бы Вашингтон знал, как все было на самом деле. Опять ей припомнилось произошедшее: когда она обнаружила, как меняют канаты, попыталась незаметно исчезнуть, но кто-то схватил ее сзади.

– Ты что тут шатаешься? Или разнохиваешь? – Мужчина ударил ее. Эмили упала, стукнувшись головой обо что-то железное. Человек оттащил ее, находящуюся в полубессознательном состоянии, в угол, швырнул на какие-то доски, задрал ей юбку и изнасиловал. Она была не способна защищаться. Мужчина был очень жесток, он вымещал свою злость. Ей было все равно, голова трещала от боли. Эмили была не в состоянии ни плакать, ни стонать – это и спасло ей жизнь. Мужчина быстро удовлетворился и отпустил ее. Она безжизненно рухнула на землю. Все произошло невероятно быстро. Откуда-то прозвучал голос:

– Чем ты занимаешься? Вместо того чтобы сторожить, ты наслаждаешься шлюхой!
Кто тебе позволил притаскивать ее сюда?

– Она здесь шпионила! Я нашел ее у ворот, сэр.

Боль Эмили постепенно отступала, она медленно приходила в себя. Над ней стоял молодой сын владельца. Он посмотрел ей в глаза.

– Кому ты служишь? – Однако он явно не ждал ответа. – Выбрось ее за ворота и лучше охраняй здесь, или я тебя тоже выгоню!

– Сэр, не лучше ли бросить ее в реку? Она все равно еще не пришла в себя. И когда ее найдут, подумают, что это просто утопленница.

Молодой человек, будучи слабаком, на мгновение засомневался, ситуация уже давно вышла из-под его контроля. Воровать и лгать ради денег – это да, но убивать?

– Ты не бойся, она не будет хвастаться тем, что ты с ней сделал, – он с трудом рассмеялся.

Мужчина бросил ее на телегу, накрыл тряпкой и отвез за полкилометра от фабрики, небрежно скинув, сильно пнув ногой, – узнать, очнулась ли, но она не издала ни звука.

– Сдохни, стерва! – процедил он сквозь зубы. Сел в телегу и вернулся на фабрику.

Она без движения лежала еще полчаса, прислушиваясь к ноющей боли, прежде чем решилась подняться. «Боль пройдет», – подбадривала она себя, встала и медленно направилась к дому. В ванной она долго старалась избавиться от омерзительного мужского запаха, который будет преследовать ее до смерти. Этого своему мужу она никогда не расскажет.

Она присаживается обратно к постели.

– Пойду на завод к пожилому владельцу. Когда вернусь, все тебе расскажу. – Гладит мужа по лицу и выходит из комнаты.

Эмили быстро отбирает десять квалифицированных человек и отдает им распоряжения:

– У меня к вам важное поручение. Я хочу, чтобы вы с утра до вечера проверяли весь процесс производства канатов. За это я вам доплачу отдельно, но если вы пропустите хотя бы один-единственный некачественный канат – у всех до единого вычту из зарплаты. Понятно?

Полчаса спустя она заходит в кабинет старшего владельца. Она точно знает, что делает.

– Эмили, добро пожаловать! Что случилось?

– Ваши качественные канаты кто-то меняет в соседнем цеху на бракованные, которые не выдержат нагрузку. Я привела с собой усиленный контроль, который проследит за тем, что произведенные вами канаты будут отправлены непосредственно к мосту.

– Но об этом же обязан знать мой сын! Это он следит за качеством и поставкой! – возмущенно говорит старик.

– Прошу вас, пойдите со мной. — Они отправляются во второй цех, у ворот стоит знакомый ей мужчина. Он видит старика-хозяина, ухмыляется.

– Приведите моего сына! – решительно говорит старик. Они заходят внутрь.

– Посмотрите, здесь слева находятся качественные канаты, а с другой стороны – некачественные. Каждая третья телега заезжает внутрь, канаты меняют. Одна треть канатов сделана из обычной стали. Это видно с первого взгляда.

Заходит молодой владелец:

– Отец, что случилось? – спрашивает он неуверенно.

Старик не отвечает, подробно и внимательно рассматривая канаты. Он опытный человек, разницу замечает сразу. Его собственный сын его обманывает! Он представляет, что за всем этим последует. Они потеряют самый большой контракт, опозорят свое имя, компания обанкротится. Однако гордость не позволяет ему договариваться о чем-либо.

– Эмили, я готов отвечать за все последствия. Для меня это ужасный позор. Что вы собираетесь делать?

– Ничего, если вы не будете препятствовать моим людям контролировать качество канатов.

– Действительно на самом деле больше ничего, Эмили? Это весьма благородно с вашей стороны. Я поменяю канаты и уничтожу все некачественные. Никакого другого цеха не будет.

– У меня есть, пожалуйста, одна просьба – можете вы отправить своего сына ко мне в обучение, а его блюстителя качества – уволить? Что вы на это скажете?

– Это отличная идея! А то, чего он у вас не заработает, у меня тоже не получит, – смеется старый господин.

Зал исчезает. Ричард стоит рядом с Джоном, слушая окончание его истории.

После двух лет полного истощения у Вашингтона вдобавок ко всему обострилась кесонная болезнь. Казалось, все потеряно, но тут произошло что-то невероятное, все срослось – Эмили выучилась у мужа математике, строительной механике и прочим техническим премудростям и приступила к руководству строительством моста. В 1883 году они вместе завершили его. Это была действительно исключительная женщина.

– Действительно была, – скажет сам себе Ричард.

Джон смотрит на него, прислонившись к перилам, в глазах у него блестят слезы.

– Прошу прощения, истории о победе человеческой настойчивости меня всегда трогают. – Он достает платок, вытирает глаза, сморкается и небрежно спрашивает: – Как выглядит незаконченный мост из бруклинских окон?

– Джон, вы, должно быть, были там со мной! – удивленно говорит Ричард, облокачивается о перила рядом с ним и ждет, пока Джон продолжит свою речь. Он точно знает, что продолжение последует. Совершенно вымотанный, с полным желудком, очарованный вечерней прогулкой и свежими приключениями, он готов доверять своему визави без лишних слов.

Джон выпрямляется, делает несколько шагов и начинает:

– Подавленные потребительскими желаниями, мы казим себя и глушим свои особенности, страдаем от стресса и недостатка времени, которые подменяем потребительством и поверхностными отношениями. Нам необязательно много знать, чтобы при этом заработать достаточно денег. Гордость за то, «**что я умею**», мы заменяем на «**сколько я имею**». Как государству, так и крупным компаниям более удобна наша посредственность. Чем меньше мы знаем, тем более послушны, лояльны и податливы. **Посредственность – это вид лени, которая позволяет нам выживать за счет потери собственных мечтаний и утраты ценностей.**

Достаточно лишь скользить по поверхности, принимать общие выводы, держаться в ряду, не выделяться, ни о чем не заботиться. Посредственные люди не прощают другим исключительности, вместе с теми, кто стремятся разбогатеть быстро и без особых усилий, пытаются их растоптать и истребить. Посредственность – это разочарование, которое ведет к экстремизму... Эмили была независимой женщиной, потому что все всегда решала сама. Как трудно, должно было, быть в те времена такой женщиной.

Джон сует руку в пальто и вытаскивает две небольшие сигары. Подрезает обе и одну подает Ричарду.

– Я никогда не курил сигары, – возражает Ричард, но берет сигару.

– Это именно тот исключительный случай, когда следует попробовать. Не затягиваться, втянуть, посмаковать во рту, насладиться вкусом дыма и медленно его выпустить. – Джон закуривает, блаженно затягивается и, закрывая глаза, медленно выпускает дым. Запах табака плывет

вет в морозном воздухе. Ричард проделывает буквально то же, что и Джон, с маленькой разницей: он раскашлялся – в легких ведро угля! Осторожно делает затяжку – второй, третий раз – и начинает привыкать. Во рту он чувствует приятный табачный вкус, голова у него немного начинает кружиться, усталость исчезает.

– Не так быстро! Хорошая сигара как слабый наркотик – чем больше ее куришь, тем более наслаждаешься. – Джон вновь вытаскивает из кармана свою маленькую серебряную фляжку. – Хотите еще? Хотя это не Gray&Nephew 1917 года, но тоже неплохой.

Ричард уже знает тайну плоской фляжки Джона, пьет с удовольствием, смакуя мягкий вкус алкоголя, несколько секунд спустя тепло разливается по желудку и по всему телу. Сегодня это весьма кстати.

– Сила моста – в его создателях. Они строили нечто немыслимое до сих пор, они воевали с ворами, политиками, инвесторами – со смертью, в конце концов. Джона, Вашингтона и Эмили объединяла огромной силы вера, сделавшая их бессмертными.

Джон опять закуривает и выпускает дым.

– Ричард, недостаточно жертвовать собой, идти за своей мечтой и воплощать ее всю жизнь. Это, безусловно, много, но для жизненного успеха вы должны убедить хотя бы одного человека, который будет тоже одержим этой мечтой и преодолевать себя во имя ее. **Люди являются посредственностями только тогда, когда им не во что верить.**

Они подходят к концу моста. Джон вынимает телефон и кому-то звонит. Это занимает всего минутку. Затем обращается к молодому человеку:

– Все идет хорошо, вечер наш завершается, есть у вас еще немного сил?

В глазах Ричарда удивление и любопытство. Он был уверен, что, достигнув окончания моста, они возьмут такси и он наконец-то выпится как следует. Действие сигары еще не прошло, и он с легкостью спрашивает:

– Опять будут приключения?

– Это зависит только от вас, – улыбается Джон и продолжает: – Через минутку мы встретимся с кем-то, кто проведет нас по покинутым местам Бруклина.

Они спускаются с моста, поворачивают налево, проходят по нескольким освещенным улицам, пока не оказываются в боковых переулках, по виду – необитаемых. Джон останавливается перед зданием, которое выглядит довольно ветхим. В конце улицы появляется высокий человек, он быстро приближается к ним.

– Привет, Джон! Столько лет, сколько зим! Я так рад тебя видеть, – говорит широкоплечий черноволосый мужчина. Огромными руками он сердечно обнимает Рока.

– Я тоже рад тебя видеть, мы же столько вместе пережили. Позволь мне представить вас друг другу – Ричард Дракин, Энтони Мо Ян.

– Добро пожаловать в Бруклин! – говорит Энтони, протягивая Ричарду крупную ладонь.

– Раньше Бруклин относился к бедным, забытым и опасным местам Нью-Йорка. Сегодня это современный район, у которого будущее еще впереди. Осталось лишь несколько полуразрушенных домов. – Энтони шарит в кармане, достает связку ключей, открывает облупленную скрипящую дверь. Ричарда обдает затхлым воздухом. Он сразу вспоминает соседа в самолете.

– Я пойду первым, хотя сюда запрещено входить, иногда можно столкнуться со странными личностями, не все из них настроены доброжелательно. – Энтони зажигает маленький фонарик и заходит внутрь, Джон с Ричардом следуют за ним. Они поднимаются по старой полуразрушенной лестнице, со стен свисают остатки вырванных проводов и труб, отстающие куски обоев. Входят в небольшое помещение на втором этаже – с низким потолком и трухлявым, деревянным, сильно истоптанным полом.

– Здесь когда-то начиналась американская жизнь большинства мигрантов со всего мира. В маленькой квартире в несколько квадратных метров жила одна, две или более семей, вначале без воды, электричества и отопления. Все, что вы видите, было проведено позже.

Энтони порой до чего-то дотрагивается, тут и там останавливается. Он обо всем рассказывает с любовью и невероятными подробностями.

– Вот здесь, смотрите: десять-пятнадцать слоев обоев. Каждая новая семья старалась хотя бы немного украсить свое жилье. Но тех, кто пытался делать это, было мало. 80 % населения начало заниматься предпринимательской деятельностью: шить, готовить, стирать, гладить, ремонтировать, продавать – короче говоря, делать все, что угодно. В течение двух лет, как правило, они достигали успеха настолько, что могли переселиться. Моя бабушка говорит, что самое лучшее для людей с большой целью – трудное начало.

– Ваша бабушка жила здесь? – с удивлением спрашивает Ричард.

– Мои предки приехали уже в тридцатых годах двадцатого века, они происходили из центральной Монголии и жили в соседнем квартале, который был недавно снесен. Бабушка меня, еще маленького ребенка, часто водила сюда и все рассказывала. Она любила это место, хотя то время было одним из самых тяжелых в ее жизни – не было работы, зимой они спали все в одной кровати, чтобы хоть немножко согреться. Чувствуете: десятки лет здесь пусто, но комната до сих пор пахнет копченым? – Энтони нежно поглаживает стену.

– Такой уж у людей характер: Центральная Европа уже более двадцати лет назад избавилась от коммунизма, однако много людей с ностальгией вспоминают времена, когда все были почти «равны», – иронически замечает Джон.

– Моя бабушка все здесь любила, потому что каждая мелочь имела свою цену: подарок был подарком, маленькому успеху все искренне радовались. Сегодня наша семья разбросана по всей Америке, мы принадлежим к состоятельному среднему слою, но мы не нужны друг другу. Мне грустно от этого. Мне нечего терять, нечего получить. Это как блюдо без вкуса и запаха, – он обращается к Джону с укоризной:

– Ты все такой же – относишься с предубеждением к людям, которые слабее тебя. Не возвышайся над ними! Они прожили тяжелое время, но вернули бы его обратно, даже ценой ограничения своих свобод и коммунистического господства.

На верхнем этаже послышался легкий шорох. Энтони прикладывает палец ко рту и выключает фонарик.

– Сядьте на кровать за дверью, сейчас они будут здесь. – Показывает пальцем на место и сам встает в угол.

Ричард садится на край какого-то подобия кровати. Ему холодно, дом насквозь промерз. Деревянная лестница скрипит, дом словно начинает оживать. Он чувствует на лице дуновение ветерка, в один момент он даже ощущает аромат женских духов. Откуда он помнит его? Конечно же, так пахла только одна женщина – мама, мамочка, осознает он, оторопев, и его одолевают воспоминания.

Родители стоят в узком коридоре. Красные занавески, которые отделяют прихожую и гостиницу, висят между ними, как мулета перед быком. Мама держит в руке кухонный нож. Восемилетний Ричард стоит между ними и кричит, требуя, чтобы они перестали.

– Я разведусь с тобой, ты негодяй! – визжит мама и плюет на отца. Короткий плевок попадает ему в лицо.

– Без меня ты бы ничего не смогла! Даже о детях не сможешь должным образом позаботиться! Да и о себе тоже. Ты только угрожаешь, и все! – Отец хватая оторванную занавеску, пытается повесить ее обратно, желая закончить этим разговор.

– Я ненавижу тебя и твою иронию! Я убью тебя! – Мама злобно хватая занавес и срывает его вместе с карнизом, тот ударяет отца по голове, вся конструкция сваливается.

Разозленный отец наступает на ткань, хватая маму за руку и шипит:

– *Хватит дурить!*

Он запутывается в занавеске, спотыкается, теряет равновесие, отчаянно машет руками, пытаясь удержаться на ногах, но все же падает на спину. Оба начинают хохотать. Отец не может сказать ни слова, от смеха у него перехватило дыхание. Мама бросает нож в сторону и опускается около отца на колени.

– *Ты в порядке? Я больше не буду ссориться. Что мне надо сделать?*

Ричард стоит над ними, колени у него трясутся от изнеможения. Он воспринял их ссору слишком серьезно.

– *В следующий раз я на них наплюю!* – *решил он.*

Однако ругаться родители не перестали – наоборот, их скандалы еще более обострились. Он привык к этим бесконечным ссорам, научился не вмешиваться. Сложная ситуация, в которой он рос, дала ему значительное преимущество перед сверстниками. Их проблемы казались ему смешными. С другой стороны, ему было необходимо защитить себя от печали, стресса, депрессии, и он придумал свой собственный альтернативный мир: тяжелые жизненные ситуации, которые вредили ему, он проигрывал в своем воображении, продолжал их развивать, и там не было никакой злобы, все проблемы решались безболезненно. Действительность стала лишь прологом, в котором он – режиссер следующего акта. Но где-то произошел срыв – реальный мир слишком сильно переплетался с вымышленным. Что, если в один прекрасный день он вдруг не сможет их разделить друг от друга?

Говорят, что человек считается взрослым, когда в состоянии решать свои проблемы, не убегает от них, закрывает их, как прочитанную книгу. Человек становится лидером, когда умеет взять на себя ответственность за проблемы общества. Всю жизнь он хочет быть лидером. Поэтому Ричард и нашел Джона!

Ричард сознательно возвращается в реальный мир холодной, затхлой комнаты. У него болит желудок, он чувствует тошноту. Иногда таким образом его организм сопротивляется неприятным ощущениям.

Ему надо восстановить свой внутренний мир, источник вдохновения и интуиции. Он должен вернуться в прошлое, чтобы найти «точки предательства» в себе самом. Да, нужно найти моменты, когда он предал сам себя и поддался «массовой ничтожности». Ему нужно на свежий воздух, успокоиться, чтобы позже он смог заснуть и шаг за шагом вернуться в прошлое, чтобы правильно рассчитать будущее. Он это сможет!

Кто-то берет его за руку:

– Вы в порядке? – это Энтони.

– Да, кажется, я задремал, – говорит он виновато.

– Нет, вы не спали, а прожили то, что вам нужно было прожить, – тихо произносит Джон, потягивая свой ром, и передает фляжку Ричарду. Тот без слов делает большой глоток.

– Пора идти спать. Все, что надо было сегодня пережить, случилось. – Джон закручивает фляжку и идет к лестнице.

– Джон, Энтони, что вообще случилось? Я совсем ничего не помню, мне что-то привиделось.

Энтони хлопает его по спине.

– Случайность. Мне было грустно, я выпил, пришел сюда просто поплакать. Нахлынули воспоминания, невероятно реальные. Я начал работать с ними, и мои проблемы вдруг начали решаться сами по себе. Этот дом полон воспоминаний и странной энергии. Поэтому я и купил его.

– И такое случается с каждым, кто войдет сюда?

– Нет, лишь с тем, кто сумеет принять «иное», – тихо отвечает Джон, но кажется, что Ричард его не слышит.

Трое мужчин садятся в такси. Наступила ночь, морозное небо усеяно звездами.

Глава VI

Свободное время – мантра потребительского общества.

Половина девятого утра. На улице моросит. Ричард немного проспал и теперь спешит. Они договорились с Джоном позавтракать в девять в Zabar's cafe на углу восемьдесят первой улицы и Бродвея. Традиционная, простая кухня, где все с настоящим вкусом: рыба, оливки, хлеб, сыр.

На сей раз он не очень удивлен, обнаружив вместо классического кафе буфет с самообслуживанием в продовольственном магазине. Часть, предназначенная для буфета, довольно небольшая. Длинный стол посередине такой узкий, что люди буквально смотрят друг другу в тарелки. Джон садится на свободный стул, Ричард – напротив.

– Здесь постоянно забито, и найти два места очень трудно. Подержите места, я пока что-нибудь куплю. Подойдет бейгель с копченым лососем? Рыба здесь действительно первоклассная. Что предпочитаете – американский кофе или чай? – Джон засыпает вопросами и, похоже, не ждет ответа.

– Что такое американский кофе? – спрашивает Ричард.

– Да такой жидкий кофе в огромной чашке. Некоторым это нравится, попробуйте.

– Хорошо, – кивает Ричард, снимая пальто. Не проходит и пяти минут, как Джон возвращается с едой. За столом очень шумно, люди своими телами образовали что-то вроде коридора, и посетитель на одном конце слышит, что говорят на другом.

– Эй! Вы откуда? – громко спрашивает через весь стол пожилой мужчина, сидящий с краю.

– Чешская Республика, Европа, – кричит Джон в ответ.

– Знаю. Чехословакия.

– Как обстоят дела с кризисом в Центральной Европе? – спрашивает дама справа.

– Ну, как бы ни обстояли, везде одинаково – люди на улицах, без работы, все экономят и боятся, – комментирует мужчина средних лет.

– Пусть они говорят, пусть нам скажут, как там в действительности все выглядит, – выкрикивает кто-то.

– В Центральной Европе особенная ситуация: с политикой прямо беда – нет сильных личностей, да и люди хотят уверенности. Постепенно наступает автократия. Заграничные инвесторы уходят, продают свои фирмы, и возникает место для создания новых местных брендов.

Со всех сторон сыплются вопросы, комментарии, возражения. Посетители общаются, как старые знакомые. Не проходит и десяти минут, как соседи доедают свой завтрак и исчезают на улице.

– Zabar's обладает особенной магией. В Нью-Йорке найдется немного мест, где можно сесть так близко к кому-то чужому и откровенно поговорить. Но для меня это место значит гораздо больше – оно спасло мне жизнь. – Джон вытирает руки салфеткой, осматривается вокруг и продолжает: – Похоже, пришло время рассказать кое-что о себе.

Ричард кивает головой в знак согласия и делает глоток кофе.

– Американский кофе – так себе, но если начнете рассказывать, мне определенно станет вкуснее.

– Хорошо. Но если заскучаете – остановите меня!

Мне было за сорок, я постоянно куда-то ездил и большинство времени проводил в самолете. Нью-Йорк мне нравился, и я продлил одну из командировок на целую неделю. Остановился недалеко отсюда, надеясь наконец-то несколько дней отдохнуть – никаких поездок, собраний, телефонов, рабочих совещаний. В первый же вечер купил бутылку рома, сел на бал-

кон и закурил сигару. Но вместо приятного чувства появились тоска и тяжесть в сердце. Некий внутренний голос брюзжал:

– Смотри, до какого делового и личного стереотипа ты дошел! Куда подевалось твоё стремление жить? Где затерялись твои идеалы?

Моя измученная душа выбралась из уставшего физического тела, поднялась к звездам и разделилась на три маленьких облачка.

Первое сморщенное облачко закричало насмешливым голосом:

– Такой представляешь ты свою красивую жизнь? А где искусство, развлечения, отдых? Только одна сплошная работа!

– Не ругайся! – прикрикнуло второе облачко, раскормленное, с двойным подбородком. – У нас все есть: красивая жена, дети, дом, деньги, здоровье. Все это мы можем потерять. Надо молчать, шагать в ногу, сохранять правильное выражение лица, и все будет хорошо.

Третьим заговорило последнее облачко. Оно выглядело несчастным, было почти прозрачным, казалось, что в любой момент может растаять.

– Зачем тебе это, если ты потеряешь все ценности? – произнесло почти неслышимым голосом. – Ради карьеры и престижа ты всем пожертвуешь – своими верными друзьями, преданной женой, лишь бы самому остаться в обойме.

Какое-то время я смотрел, не веря собственным глазам, а когда наконец решился задать вопрос, они соединились в одно облако и испарились. Я почувствовал влагу на своем лице. Это были слезы сожаления – сожаления о себе самом.

Всю ночь я не спал и думал о том, что будет дальше. Камень на грудь давил еще сильнее. Я предал сам себя, свои идеалы, желания, всю энергию направил на единственную цель – успех! Превратился в изнуренного, выжатого как лимон человека, у которого не осталось никаких жизненных соков, живущего лишь работой. Моя жизнь показалась вдруг напрасной, лишней, ничтожным фарсом. Я не страдаю склонностью к самоубийству, но если бы в тот момент кто-нибудь мне предложил помочь расстаться с жизнью, я бы не сопротивлялся.

Утром я немного приободрился, ополоснулся холодной водой, оделся и вышел на свежий воздух. Утреннее солнце еще не набрало силу, я мерз и поэтому ускорил шаг. Через десять минут быстрой ходьбы я согрелся и проголодался – так сильно, что от слабости у меня задрожали колени. Я осмотрелся вокруг и увидел надпись – Zabar's.

Внутри было тепло, хорошо пахло, как и сегодня. Я со зверским аппетитом набросился на купленную еду. Настроение стало улучшаться.

– Вы, вероятно, были чертовски голодны! Я завтракаю здесь довольно часто, но такого еще не видела. – Я перестал жевать и поднял глаза. Напротив сидела высокая брюнетка. Разглядев мое изможденное от бессонницы лицо, протянула руку и погладила по небритой щеке. Это был спонтанный, ласковый жест, от которого у меня остановилось дыхание.

– Сара, – представилась она. – Извините, если мое прикосновение вас оскорбило – вы выглядели таким несчастным. Не смогла удержаться.

– Что вы, давно меня никто так ласково не касался. Я Джон. Простите мою ненасытность.

Неожиданно для себя самого я разговорился – как меня одолели депрессия и чувство ничтожности и пустоты, как утром почувствовал сильный голод и оказался в Zabar's. Сара оказалась прекрасным слушателем, глаза смеялись и плакали, будто она сама проживала мои чувства. Ничего подобного со мной раньше не случалось. Только дети умеют слушать так. Тоска моя постепенно отступала. Я хотел ей сказать об этом, поблагодарить, но она прервала меня:

– Зачем вы столько работаете?

– Наверное, из-за страха потерять работу, не успевать за молодыми, не заработать достаточно денег, чтобы оплачивать все расходы и ипотеку, – я расслабился, отвечал, не задумываясь.

– Нет, это с вами совсем не вяжется, Вы явно не потребительский тип. Не спорьте, лучше попробуйте подумать!

На этот раз я ответил не сразу, а спустя некоторое время:

– Вы правы! Моя работа поглотила меня. – Как только я это произнес, на сердце потяжелело, мне стало жаль не себя, а своих близких: жену, детей, маму. Я ими пренебрегал до такой степени, что они не отваживались ни позвонить мне, ни написать, а только терпеливо ждали, когда я первым проявлю внимание.

– Семья отдалилась, и вы начали еще больше работать. Нет ничего хуже, когда человек приходит в пустой номер гостиницы – а повсюду одиночество.

– Вы слишком молоды, чтобы чувствовать одиночество. Я бы скорее предположил, что вы независимая, уверенная в себе девушка.

Она засмеялась и гордо произнесла:

– Хотела бы, но последние годы были очень непростыми.

– Расскажите, если не спешите. В вашем обществе я чувствую себя удивительно уютно, как с ангелом-хранителем.

– Возможно. Сегодня я никуда не спешу, за последние несколько лет – это мой счастливый день.

Мне 23 года, я училась в частной школе. Высокая и симпатичная, я была окружена вниманием, много поклонников. Однако меня не интересовали те, кто младше меня, – неуравновешенные, с комплексами, без средств. Привлекали меня мужчины около сорока, обеспеченные, уверенные в себе, которым все ясно. Но они были женаты, с ними можно было только развлекаться. Проводила время, как и большинство девушек в моем возрасте, – эгоистична, разбрасывалась деньгами. Моя мама, финансовый директор, много зарабатывала, мы с сестрой имели все, что хотели. За год до этого, ко дню рождения, я получила в подарок квартиру. Целый год мы с мамой занимались ее благоустройством.

Моя жизнь была простой и приятной. Я представляла, как до тридцати пяти лет веселюсь, потом нахожу богатого достойного человека и выхожу замуж. Скорее всего, у него уже взрослые дети от первого брака, и от меня он детей иметь не захочет.

Но произошло все не по моему плану. У фирмы, где работала мама, появились проблемы. Было решено провести реструктуризацию, ее уволили. Полгода она искала работу, везде отвечали, что им нужен кто-то менее опытный, – другими словами, «ты слишком дорогая и все равно от нас уйдешь». Мама серьезно заболела и оказалась в больнице.

Наши финансы таяли. Я ожидала, что отец, всю жизнь игравший в богему, поможет и мы опять заживем нормально. Оказалось, что он все время вводил нас в заблуждение, его операции на финансовом рынке не приносили прибыли. Моей сестре было шестнадцать лет, она училась в престижной английской школе. Каждый день нам присылали счета и фактуры. Мне не с кем было посоветоваться, мама плохо себя чувствовала, с отцом говорить не имело смысла – он лишь делал вид, что пытается исправить ситуацию, но каждый вечер возвращался домой пьяным. Я хотела убежать, но куда – за новую квартиру уже три месяца не заплачено. И у меня была сестра. Не то чтобы я ее любила, но бросить не могла, и на отца нельзя было положиться.

Наконец маме стало лучше, я могла навестить ее в больнице. Ей предстояла операция, затем шестимесячная реабилитация, только потом она могла бы вернуться на работу. К сожалению, мама, хоть и занимала пост финансового директора, все средства истратила на нас. Кроме жизненной страховки не осталось никаких сбережений.

Мне удалось расторгнуть договор о жизненной страховке и погасить почти все долги. День за днем моя жизнь менялась. «Я полная дура», – ругала я себя за то, как мы обе маму эксплуатировали, обижались, когда она не хотела нам что-нибудь покупать. Все дорогие тряпки и мебель стали мне отвратительны. В тот день я собрала всех на самый тяжелейший в моей жизни семейный совет.

– Я бросаю университет и устраиваюсь на работу. У меня уже есть кое-какие предложения, и выглядят они неплохо. Ты, – сказала я сестре, – уйдешь из частной школы, и перейдешь в государственную, и будешь сдавать экзамены на отлично. Если не сдашь, пойдешь в училище. А ты, – я глубоко вздохнула и посмотрела на отца, – перестанешь пить и начнешь платить за квартиру и питание, иначе я выгоню тебя из дома.

Спустя полгода мама поправилась и даже устроилась на работу – не так хорошо оплачиваемую, но она больше времени была с нами. Отец от нас ушел, переехал к своей любовнице. Моя сестра через год поступила в колледж и одновременно работала продавицей. Мне удалось закончить университет и найти хорошую работу. Квартиру пришлось продать, ипотека бы нас погубила. – Она помолчала, еще раз погладила меня по щеке и сказала:

*– Однако у меня сегодня счастливый день. **Я могу помочь не только себе, но и другим.***

Джон замолкает. За столом между тем поменялось несколько посетителей. На улице прекратился дождь, появилось солнце, его лучи осветили кафе.

– Почему вы не закончили историю? – спрашивает Ричард.

– Осталось лишь несколько мелочей, главное уже сказано. – Джон улыбается и явно рад, что Ричард реагирует именно так, как он ожидал.

Но Ричард не сдается и атакует его с другой стороны:

– Я встречаюсь с вашими друзьями, слушаю их истории, но когда же вы начнете рассказывать о себе?

– Скажи мне, кто твои друзья, и я скажу тебе, кто ты. Если я буду говорить только о себе, буду скучным, хвастливым и недостоверным, – возражает Джон.

– Я не клюну на то, как каждой новой историей вы только разжигаете мое любопытство. Пообещайте, что будете больше рассказывать о себе. Когда мы познакомились, вы показали мне строгим, прагматичным человеком, который добился успеха сосредоточенностью и настойчивостью. Однако это не все. Этот человек каким-то загадочным образом проникает в мои мысли!

– Видимо, я не тот учитель, – пожимает плечами Джон.

– Нет, как раз-таки наоборот. Вы научили меня гораздо большему, чем я ожидал. Независимость была для меня пустым понятием, клише, которым пользуются все молодые в моем возрасте! Благодаря вам я понимаю ее настоящую ценность, ради которой человек должен многим пожертвовать. – Ричард замолкает и берет мобильный телефон. – С первых наших встреч я делал себе пометки, однако их было слишком много, и затрагивали они чересчур много аспектов. Вчера ночью, когда мы посетили KATZ'S, прогулялись по Бруклинскому мосту до Дома воспоминаний, я пришел в номер, уставший, но счастливый. Вместо сна я снова и снова читал свои пометки и решил их упорядочить. Я хотел найти главную мысль, которая объединяла бы все наши встречи и истории.

– Нашли? – радуется Джон. – Целое утро я себе говорю, что в вас появилось что-то новое. Поделитесь?

– Было тяжело найти эту единую мысль, но вдруг она появилась, сама по себе, такая несомненная и знакомая.

– Время, которое мы посвящаем своему прошлому, всегда имеет смысл, – с пафосом произносит Джон.

– Это, на мой вкус, слишком поэтично, можете сказать попроще?

– Конечно, извините! Иногда я болтаю, как на конференции. Скажу поговоркой: время лечит все раны. Или, если со стороны посмотрим на то, что мы прожили, с гораздо большей перспективы, поймем, что было хорошо, что плохо и как этим воспользоваться в дальнейшей жизни. А теперь я сгораю от любопытства – что же вы для себя открыли?

– **Не сдаваться!** – произносит Ричард четко и так громко, что все вокруг поворачиваются. – Вы постоянно повторяете, как мы злоупотребляем социальными пособиями, дотациями, фондами, ищем должности, на которых можно что-то решать и ждать за это взятки. Мы теряем рассудительность и радостно кричим: «Держите вора!» – и при этом думаем: «Вот глупый, попался».

Глубоко вздыхает и уже тише продолжает:

– Однако я устроился на хорошую работу, постепенно уверовал, что я незаменим и начал вести себя, как все – как стадо. Я покупал вещи, тратил деньги, развлекался в соответствии с сезонными трендами. Чтобы произвести нужное впечатление, испытывать чувство благополучия, я окружил себя ненужными, глупыми вещами, тратил все больше и больше денег, не мог остановиться, жаловался на низкую зарплату. Короче, все, о чем мы здесь говорили. Но как вырваться из этого круга? Есть ли у меня шанс измениться? Я постоянно думаю об этом. Вы меня поучаете, а при этом у вас та же проблема!

Ричард пьет из большой чашки, пристально смотрит на Джона и спрашивает:

– Что вы об этом думаете?

За длинным столом наступает абсолютная тишина. Прошли миллионы лет, прежде чем люди стали людьми, но некоторые инстинкты остались прежними. Хотя американцы и не понимают, о чем эти двое говорят, но по жестам и выражению голосов они чувствуют невероятную мощь их диалога. Ричард и Джон не обращают на соседей внимания, они абсолютно погружены в свою беседу. Сегодняшнее утро их невероятно сблизило.

– Мне нечего добавить. Хотя вы и говорите с сарказмом и преувеличением, я полностью понимаю правду ваших слов. – Джон замолкает, кивает и хватается за голову руками.

– Что случилось? – встревоженно спрашивает Ричард.

– Да, – с трудом говорит Джон, – это прозрение навсегда отделит вас от нормального человека. Дороги назад уже нет. Каждое общество в один прекрасный момент постигнет коллапс, и оно будет заменено новым. Сигналы о его близком конце всегда одинаковы: которой мы живем, долго не выдержит и скоро себя изживет. Это правильно, всегда должно прийти что-то новое. Однако большинство людей не готово к такому дню.

Это шок и полная потеря существующего социального обеспечения. До того, как это произойдет, вы будете остальным казаться странным. Одиноким, с психическими проблемами. Люди прощают другим «мелочи», но не собственное сознание: чувствуют себя униженными и потому становятся более опасными. **Не сдаваться — значит осознавать вещи.** Поведение начнет меняться само по себе! Вы станете другим.

– Я не думаю, что мое поведение будет настолько сильно отличаться от других, чтобы оно их раздражало, – засомневался Ричард.

– Возможно, но для вас это будет невыносимо! Представьте себе, что люди сегодня заботятся только сами о себе – накапливают имущество, покупают и покупают, заботятся о своем теле, волосах, ногтях, мускулах, собачках и постоянно об этом информируют свое окружение. Жестокость, эгоизм и зависть – это черты падения общества. Вам ничего этого не нужно, вы ни от кого не зависите, к остальным относитесь с уважением и бескорыстно им помогаете. Вас будут называть глупцом, но в душе — завидовать вам, потому что не могут этого купить! Вам остается единственное – искать подобных себе людей. Среди них вы будете чувствовать себя безопасно и хорошо.

– Мне все еще не верится, ведь я тоже хожу к парикмахеру, покупаю, занимаюсь спортом, хочу свою квартиру, машину – ведь это нормальный стандарт на сегодня.

– Конечно! В парикмахерскую, на массаж и в бордель люди ходят с незапамятных времен. Вопрос состоит в частоте и количестве. Как только это станет главным смыслом жизни – потеряете всякие барьеры, приспособитесь системе. Влезете в долги по самое горло, никаких сбережений, запасов. Каждая неожиданная оплата за газ, воду, налоги, страховку выведет из равновесия. Банковский счет постоянно в минусе, и для престижной обстановки квартиры вы влезаете в дорогие потребительские кредиты. Такие люди нужны как правым, так и левым. Одни вам снизят налоги, хотя бы на время, другие отберут деньги у успешных фирм, имущество богатых и раздадут его простому народу. Это замкнутый круг.

– Так что, нельзя влезать в долги?

– **Можно, но при этом необходимо сохранять финансовую дееспособность .**

Вы считаете нормальным в течение двадцати лет платить ипотеку, составляющую половину своего оклада? Купить дорогую мебель в кредит и в результате заплатить в два раза больше? Разве это нормально, жить за счет будущего?

– А если я разбогатею за счет собственных усилий? Не потеряю барьеры, не начну разбрасываться деньгами, как сумасшедший, и не буду вращаться в этом заколдованном круге? – аргументирует Ричард, но лишь для поддержания дискуссии, он чувствует, что-то должно быть иначе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.